

Лангольеры

Автор:

Стивен Кинг

Лангольеры

Стивен Эдвин Кинг

Четыре после полуночи #1

Реальность и ирреальность сплетаются воедино, и в результате человек погружается в омут такого кошмара, какого не мог даже вообразить!

Одиннадцать пассажиров авиалайнера очнулись – и оказалось, что, кроме них, в самолете нет никого, даже пилота, что они – в эпицентре ужаса, в застывшем параллельном мире, где нет ни звука, ни запаха, ни вкуса, ни времени. Зато здесь обитают чудовищные твари, убийцы всего живого, – лангольеры...

Стивен Кинг

Лангольеры

В пустыне

желтовато-пастельной

увидел я некий миг

его, в чешуе змея,

косматого, грязного, грозного.

Сжался, нелеп и наг,

то боли зверея,

сердце в ладонях стискивал.

Грыз его. Выл с тоски.

Спросил я: «Вкусно ли, друг?»

Дернулся он – вздрогнул.

«Горько, – ответил, – горько.

Жжет – гарью да горем,

огненным привкусом перца.

Да мне – по вкусу,

горько оно – гордо...

Ведь это ж – мое сердце»[1 - Перевод Н. Эристави.]

Стивен Крейн

Детка, я стану тебя целовать.

Исполню все, что дерзнул обещать

в полночный глухой час...

Ровно в полночь

Предисловие

Вы только посмотрите – мы уже здесь. Снова с этим справились. Я надеюсь, что вы также счастливы, как и я. Все это напоминает мне об одной истории, а поскольку я зарабатываю на жизнь (и держу себя в тонусе) рассказыванием историй, то и перехожу к ней.

Пишу я все это в июле 1989 года. Меня словно громом поразило, когда я сидел перед телевизором и смотрел, как бостонские «Красные носки» играют с милуокскими «Пивоварами». Робин Йонт, играющий за «Пивоваров», как раз вошел в «дом», и комментаторы начали обсасывать тот факт, что Робину еще нет и тридцати пяти.

– Иногда кажется, что Робин помогал Абнеру Даблдею делать первые шаги, – говорил Нед Мартин, когда Йонт повернулся к Роджеру Клеменсу.

– Да, – соглашался Джо Кастильоне. – Он пришел к «Пивоварам» сразу после школы, думаю, он играет с 1974 года.

Я аж подпрыгнул, чуть не вывернув на себя банку пепси-колы. «Минуточку, – спохватился я. – Подождите минуточку! В 1974 году я опубликовал свою первую книгу! Это было не так уж и давно! Что он несет насчет первых шагов Абнера Даблдея?»

И тут я подумал, что скорость времени – тема, которая снова и снова будет возникать в нижеизложенных историях, – каждым воспринимается по-своему. Действительно, «Кэрри» опубликовали в 1974 году (точнее, весной, за два дня до открытия бейсбольного сезона, в котором Робин Йонт сыграл свои первые игры за «Пивоваров»), что, по моему разумению, совсем недавно, но есть и другие способы отсчета времени. Исходя из некоторых из них, пятнадцать лет – большой срок.

В 1974 году Джеральд Форд был президентом Соединенных Штатов, а шах еще правил Ираном. Джон Леннон был жив, так же как и Элвис Пресли. Донни Осмонд пел со своими братьями и сестрами. Уже появились на рынке домашние видеомэгафнофы, но в продажу поступили лишь экспериментальные модели. Знатоки предрекали их всеобщее распространение, утверждали, что «бета-стандарт» фирмы «Сони» превратит своего соперника, VHS, в пыль. Даже перспектива того, что люди будут брать напрокат любимые фильмы, как книги из библиотеки, была еще далеко за горизонтом. Цены на бензин поднялись до заоблачных высот: галлон обычного стоил сорок восемь центов, этилированного – пятьдесят пять.

У меня еще не засеребрилась первая седина. Моей дочери, ныне студентке второго курса колледжа, было четыре года. Старший сын, теперь выше меня ростом, тогда получил свой первый тренировочный костюм. Мой младший сын, сейчас играющий за детскую бейсбольную команду в чемпионате малой лиги, родился только через три года.

Забавная штука – время. Когда ты садишься в автобус, кажется, что он увезет тебя недалеко, может, на другую окраину города. Но вдруг – бах! И ты уже проехал полконтинента. Вы находите эту метафору наивной? Я тоже, но это не так уж и важно. Главное то, что время совершенно, поэтому даже такие сухие наблюдения, вроде приведенных мною выше, остаются без отклика.

Одно не изменилось за эти годы, как мне представляется, – главная причина, благодаря которой мне (возможно, и Робину Йонту) кажется, что время остановилось. Я занимаюсь все тем же: пишу истории. И не просто пишу, а по-прежнему люблю это дело. Поймите меня правильно – я люблю жену, я люблю детей, но все так же нахожу удовольствие в поиске нехоженных дорог, прогулке по ним, знакомстве с теми, кто там живет. Интересно, знаете ли, посмотреть, что они делают, с кем и даже почему. Я все еще люблю необычность этих путешествий; особенно мне дороги в них моменты, когда поднимается туман и все становится ясным и понятным. В каждой истории главное – ухватить тигра за хвост. Зверь быстр, иногда это получается не сразу, но если уж удастся, то моя хватка крепкая, и мне становится очень хорошо.

Эта книга намечена к публикации на 1990 год, то есть пойдет шестнадцатый год моих трудов на ниве беллетристики. Где-то на полпути, когда меня давно уже окрестили (не пойму почему) специалистом по «ужасикам», я опубликовал книгу под названием «Времена года». Она включала четыре ранее не

публиковавшиеся повести, три из которых никак не попадали под категорию «ужастик». Издатель взял книгу не без некоторой доли сомнения. Я это знаю, потому что и сам сомневался. Как выяснилось, мы оба волновались напрасно. Иногда писателю удается опубликовать книгу, которой сразу уготована счастливая судьба. Такой вот книгой стали для меня «Времена года».

Одну из повестей, «Тело», экранизировали, и фильму «Стой рядом со мной» сопутствовал немалый успех. Это была первая действительно удачная экранизация моего произведения после «Кэрри» (фильм вышел на экраны, когда Робин Йонт сам делал первые шаги в профессиональном бейсболе). Роб Рейтер, снявший «Стой рядом со мной», – один из лучших режиссеров, с кем мне довелось повстречаться, и я горжусь тем, что работал вместе с ним. Меня позабавило, что после успеха фильма «Стой рядом со мной» мистер Рейтер создал кинокомпанию, которую назвал «Касл-Рок продакшн». Думаю, некоторые слова в этом названии покажутся знакомыми моим давнишним читателям.

Большинству критиков книга «Времена года» тоже понравилась. Хотя почти все они набрасывались на одну из повестей. Правда, в жертвы выбирались разные герои, потому я чувствовал, что не должен принимать их нападки близко к сердцу... и не принимал. Такое удается мне не всегда. В большинстве рецензий «Кристину» заклеили как неудачный роман, мне пришлось согласиться с тем, что я, возможно, где-то что-то недотянул. Однако эти рецензии не остановили поток переизданий и, соответственно, приходящих на мое имя чеков с причитающимся гонораром.

Я знаю писателей, которые утверждают, что не читают критических статей, и двоим я верю. Они действительно не читают. Я же не такой, как эти двое, обожаю плохие рецензии и всегда размышляю над ними. Но надолго они мне настроение не портят. Достаточно укокошить несколько старушек и малолетних детей, и я снова в отличной форме.

Самое главное, что читателям книга «Времена года» понравилась. Я не помню ни одного письма, автор которого отругал бы меня за то, что я посмел написать нечто, отличное от «ужастика». Большинство читателей спешили сообщить мне, что одна из повестей разбудила их эмоции, заставила думать, чувствовать, и эти письма стали самым дорогим вознаграждением за мои труды. Господи, спаси и сохрани Постоянного читателя! Уста могут говорить, но истории не получится, если не будет внимательно слушающего уха.

То был 1982 год. Милуокские «Пивовары» выиграли первенство Американской лиги, ведомые, естественно, Робинот Йонто. Йонто в тот год признали Самым ценным игроком лиги.

То был хороший год для нас обоих.

Специально я не планировал писать «Времена года». Так уж получилось. Четыре разные истории рождались в разное время на протяжении пяти лет. Для рассказа слишком длинные, для отдельной книги – слишком короткие. Случается и такое, знаете ли. Меня очень порадовал успех этой книги, в то же время я испытывал сожаление, отправляя рукопись в «Викинг-пресс». Я знал, что книга хорошая. Но я знал и то, что второй такой книги мне уже скорее всего не написать.

Если вы думаете, что сейчас я скажу: «Ах, как я ошибался», то вас ждет разочарование. Книга, которую вы держите в руках, совсем не похожа на более ранние. «Времена года» включали три «обычные» повести и лишь одну о сверхъестественном. В этой же книге все четыре повести можно назвать «ужасниками». Они написаны за два последних года, когда я вроде бы удалился на покой, и несколько длиннее тех, что входили во «Времена года». Возможно, они другие и потому, что их замыслы родились в сознании, обратившемся, по крайней мере временно, к темным аспектам нашего бытия.

Например, ко времени и его разрушительному влиянию на человеческое сердце. Или к прошлому, тени которого падают на настоящее... тени, в которых произрастает что-то малоприятное и скрывается что-то еще менее приятное... чтобы иной раз выйти из тени.

Далеко не все мои принципы изменились, наоборот, в большинстве из них я еще больше укрепился. Я по-прежнему верю в жизнерадостность человеческого сердца и в особую силу любви. Я по-прежнему верю, что люди могут найти друг друга и души, которые живут в нас, иногда соприкасаются. Я по-прежнему верю, что цена этих соприкосновений невероятно высока... но польза, которую они приносят, значительно перевешивает цену, которую приходится за это платить. Я по-прежнему верю в приход эпохи Непорочности и в то, что человек должен найти свое место в жизни... и защищать его до последней капли крови. Все это старомодные принципы, но я был бы лжецом, если б не признал, что так и не отказался от них. Все они по-прежнему со мной.

И я также люблю хорошую историю. Люблю слушать и люблю рассказывать. Вы, возможно, этого не знаете (а может, вам без разницы), но мне заплатили много денег за публикацию этой книги и двух последующих. А известно ли вам, что я не получил ни цента за написание повестей, собранных под обложкой этой книги? Как и все, что происходит само по себе, процесс создания литературного произведения в деньгах не оценить. Иметь деньги очень даже хорошо, но когда речь заходит о творческом акте, про деньги лучше забыть. Можно загубить процесс.

Полагаю, что свои истории теперь я рассказываю несколько иначе (надеюсь, что лучше, но, разумеется, об этом каждый читатель вправе судить сам). Когда «Пивовары» победили в 1982 году, Робин Йонт играл на краю, нынче – в центре. Наверное, немного потерял скорость... но по-прежнему ловит все, что летит в его направлении.

Меня такое вполне устраивает. Все идет нормально.

Поскольку многих читателей интересует, а откуда же берутся все эти истории и не являются ли они некими составными в более широком замысле автора, к каждой из историй я написал предисловие о том, как возникла та или иная идея. Эти предисловия могут вас позабавить, но, если не хотите, можете их и не читать. Это не задание на дом. Слава Богу, контрольную вам писать не придется.

Позвольте закончить, повторив, что как хорошо снова быть с вами, снова с вами говорить... как приятно осознавать, что и вы здесь и готовы пойти в другое место... место, где у стен есть глаза, а у деревьев – уши, где что-то ужасное пытается найти дорогу из подвала или с чердака туда, где живут люди. Эти коллизии все еще интересуют меня... но я думаю, что еще больше меня интересуют люди, которые могут слушать, а могут и не слушать мои истории.

Прежде чем поставить точку, я должен сообщить вам, как закончился бейсбольный матч. «Пивовары» взяли верх над «Красными носками». Йонт (тот самый, что учил Абнера Даблдея делать первые шаги на поле) показал себя молодцом.

Робин еще не сыграл свою последнюю игру.

Я тоже.

Бангор, штат Мэн

Июль, 1989

Посвящается Джо, одному из пилотов

Предисловие к «Лангольерам»

Сюжеты приходят ко мне в разное время и в разных местах: в автомобиле, в дэше, на прогулке, даже на вечеринках. В двух случаях они мне приснились. Но очень редко я начинаю писать, как только у меня сверкнет идея. И у меня нет «блокнота сюжетов». Я не записываю идеи и считаю, что это правильно. Возникает их множество, но лишь немногие из них действительно хороши, однако все без исключения идеи я отправляю в картотеку, которая хранится у меня в голове. Плохие там потихоньку распадаются, поэтому, открыв картотечный ящик и посмотрев, что у меня в заглавнике, я нахожу только несколько отличных сюжетов, и каждый с ярким центральным образом.

В «Лангольерах» этот образ – женщина, прижимающая руку к трещине в фюзеляже пассажирского самолета.

Нет нужды говорить, что сам я знаю о пассажирских самолетах очень мало. В этом ни у кого не должно быть сомнений, но образ женщины возникал всякий раз, когда я заглядывал в картотеку в поисках нового сюжета. Такой четкий образ, что я даже ощущал духи женщины – назывались они «L'Envoi»[2 - Послание (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.], – видел ее зеленые глаза, слышал испуганное, учащенное дыхание.

Как-то вечером, лежа в постели и уже засыпая, я понял, что эта женщина – призрак.

Помнится, я сел, перекинул ноги на пол и включил свет. Какое-то время посидел, не думая ни о чем... по крайней мере сознательно. А вот в подсознании парень, который в действительности делает за меня всю работу, уже трудился, очищая рабочее место и готовясь запустить все свои машины. На следующий день я (или он) начал писать эту повесть. На это ушел месяц, и она далась мне легче, чем остальные повести в этой книге, слово ложилось за словом, эпизод за эпизодом. Иной раз истории и дети выходят на свет Божий без особых мук, эта повесть – тот самый случай. Из-за чувства обреченности, делающего эту повесть несколько похожей на более раннее мое произведение, «Туман», я решил давать каждой главе старомодные подзаголовки. И закончил я повесть в отличном настроении, с пониманием того, что она удалась... такое со мной случается редко.

Я не привык копаться в деталях, но на этот раз пришлось затратить немало времени на подготовку. Трое пилотов – Майкл Руссо, Френк Соарс и Дуглас Деймон – помогли мне ничего не перепутать. Стоило мне пообещать, что я ничего не разобью в кабине самолета, и они лезли из кожи вон, чтобы снять все мои вопросы.

Все ли я понял и записал правильно? Едва ли. Это не удалось даже знаменитому Даниелю Дефо. В «Робинзоне Крузо» его герой, раздевшись догола, плывет на корабль, который недавно покинул... а затем набивает карманы всякой всячиной, которая может понадобиться ему на необитаемом острове. А в одном романе (опущу и автора, и название) о нью-йоркской подземке писатель принял кабинки ремонтников за общественные туалеты.

Тут у меня подход однозначный: если я что-то изложил правильно – спасибо господам Руссо, Соарсу и Деймону. Если где ошибся – моя вина. И дело не просто в вежливости. Фактологические ошибки не есть результат неверного толкования полученной информации. Причина тому – неумение задать правильный вопрос. Разумеется, я позволил себе одну или две вольности в описании самолета, в который вы скоро войдете. Но вольности незначительные и необходимые для сюжета.

Вот теперь все. Прошу на борт.

Полетаем в недружественных небесах.

Глава 1

1

Брайан Энгл остановил пассажирский лайнер «Л-1011», принадлежащий компании «Американская гордость», у галереи 22 и повернул тумблер, отключающий свет на табличках «Пристегните ремни», ровно в 22.14. Шумно выдохнул и отстегнул ремень безопасности.

Он не помнил случая, чтобы его так радовало завершение полета. И устал он, как никогда. Голова раскалывалась; планы на вечер определились окончательно и бесповоротно. Никакой выпивки в комнате отдыха пилотов, никакого ужина, даже никакой ванны по приезде в Уэствуд. Раздеться – и в кровать. Он намеревался проспать четырнадцать часов.

Рейс 7, Токио – Лос-Анджелес, сначала отложили из-за сильного встречного ветра, а потом из-за неразберихи в ЛАКСе, по мнению Энгла, самом худшем аэропорту Америки, если, конечно, не считать бостонский Логан. Более того, во второй половине полета возникла проблема с герметичностью салона. Поначалу незначительная, но постепенно ситуация ухудшалась и стала пугающей. Они уже опасались взрывной декомпрессии... но до этого дело не дошло: все как-то стабилизировалось само по себе. Такое нередко случалось, случилось и на этот раз. Пассажиры уже покидали самолет, даже не подозревая о том, что этот полет из Токио мог стать для них последним. Но Брайан это знал... и оттого голова у него просто раскалывалась.

– Эту суку прямо отсюда отбуксируют в диагностический центр, – сообщил второй пилот.

– Там знают, в чем проблема?

Второй пилот кивнул:

– Им это не нравится, но они знают.

– Плевать я хотел на то, что им нравится или нет, Дэнни. Мы сегодня едва не сыграли в ящик.

Дэнни Кин кивнул. Он тоже знал, что едва не сыграли.

Брайан вздохнул, потер шею. Голова не давала ему покоя хуже, чем больной зуб.

– Может, я уже становлюсь староват для таких дел?

Время от времени, обычно после особенно тяжелого перелета, такую фразу говорили многие пилоты, но Брайан чертовски хорошо знал, что он совсем и не стар. Сорок три года – для пилотов гражданской авиации самый расцвет. Тем не менее сейчас он почти что поверил в то, что сказал. Господи, как же он устал!

Постучали. Стив Сирлз, штурман, повернулся в кресле и, не поднимаясь, открыл дверь. На пороге стоял мужчина в зеленом блейзере – это фирменный цвет «Американской гордости». Выглядел он как дежурный по галерее, но Брайан знал, что это птица куда более высокого полета. Джон (а может, Джеймс) Диган, заместитель начальника операционного отдела «Американской гордости» в ЛАКСе.

– Капитан Энгл?

– Да? – Он мгновенно принял оборонительную стойку.

Первым делом подумал (мысль эта родилась от усталости и головной боли), что ему предложат взять на себя ответственность за прохудившийся самолет. Паранойя, конечно, но в этот момент Брайан Энгл мог предположить что угодно.

– Боюсь, у меня для вас плохие новости, капитан.

– Насчет разгерметизации? – резко спросил Брайан, и несколько пассажиров, проходивших мимо двери в кабину пилотов, обернулись, но слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

Диган покачал головой:

– Насчет вашей жены, капитан Энгл.

Энгл не мог взять в толк, чего от него хочет этот человек, а потому молча тараторил на Дигана. Наконец до него дошло. Речь, разумеется, шла об Энн.

– Она моя бывшая жена. Мы развелись восемнадцать месяцев назад. Что с ней?

– Несчастный случай. Может, пройдем в контору?

Брайан с любопытством посмотрел на него. После трех нервных часов полета происходящее сейчас казалось ему каким-то нереальным. Он едва подавил желание предложить Дигану катиться к чертовой матери. Но, разумеется, не предложил. В авиационных компаниях не принято разыгрывать шутки с пилотами, тем более с теми, кто только что прошел по самому краю пропасти.

– Что, Энн в порядке? – повторил Брайан уже мягче, заметив, что второй пилот смотрит на него с сочувствием.

Диган разглядывал свои начищенные туфли, и Брайан понял, что новости действительно плохие и с Энн далеко не все в порядке. Понял, но отказывался в это поверить. В тридцать четыре года Энн отличали отменное здоровье и умеренность в привычках. Он также подумал, что более здравомыслящего водителя нет во всем Бостоне... может, во всем штате Массачусетс.

Тут он услышал, как задает еще один вопрос... Брайану показалось, что какой-то незнакомец проник в его мозг и использует его рот вместо громкоговорителя.

– Энн мертва?

Джон, или Джеймс Диган, огляделся как бы в поисках поддержки, но у люка стояла одна-единственная стюардесса, желавшая пассажирам провести приятный вечер в Лос-Анджелесе и бросающая тревожные взгляды на пилотов. Возможно, ее волновало то же, что минуту назад и Брайана: как бы на команду не возложили вину за утечку воздуха, превратившую последние часы полета в сущий кошмар. Так что Диган мог рассчитывать только на себя. Он вновь

посмотрел на Брайана и кивнул:

- Да... боюсь, что мертва. Вы пройдете со мной, капитан Энгл?

2

В четверть первого Брайан Энгл уже устроился в кресле 5а рейса 29 (Лос-Анджелес – Бостон) авиакомпании «Американская гордость». Рейс этот всегда и трансконтинентальных перелетов называли «красный глаз» [3 - Название ночных рейсов, билеты на которые стоят дешевле.]. До взлета оставалось пятнадцать минут. Брайан вспомнил, что после Логана ЛАКС считается самым опасным аэропортом. Получалось, что в течение восьми часов ему предстояло посетить оба эти аэропорта: ЛАКС – пилотом, Логан – пассажиром.

После посадки боль не прошла, а только усилилась. «Голова у меня горит огнем, – думал Брайан. – Просто полыхает. Что произошло с пожарными детекторами? Здесь же стоит лучшая автоматика...»

За последние четыре или пять месяцев он практически не вспоминал об Энн. В первый год после развода Энн буквально не выходила у него из головы. Что она делает, как одевается, конечно же, с кем видится? Энн все время стояла у Брайана перед глазами. Он достаточно много читал о разводах, чтобы знать, как выйти из такого состояния: лекарства тут не помогали, а вот другая женщина могла бы. Как известно, клин клином вышибают.

Но другой женщины у Брайана не появилось, во всяком случае, пока. Несколько ничего не значащих свиданий, один осторожный сексуальный контакт (он пришел к твердому убеждению, что в эпоху СПИДа все внебрачные сексуальные контакты должны быть осторожными), но не другая женщина. Он просто... излечился.

Брайан наблюдал за поднимающимися на борт пассажирами. Молодая светловолосая женщина шла с маленькой девочкой. Маленькая девочка была в черных очках и держалась за локоть женщины, которая что-то тихонько ей

сказала. Ребенок тут же повернулся на голос, и Брайан по движению ребенка понял, что девочка слепая. «Забавно, – подумал он, – сколь многое могут подсказать мелочи».

Энн, напомнил ему внутренний голос. Не пора ли подумать об Энн?

Но его усталый мозг старался уйти от этой темы. Не хотелось думать об Энн, теперь покойнице, его бывшей жене, единственной женщине, которую он со злости ударил.

Может, ему пора читать лекции? Разведенным мужчинам, да, пожалуй, и женщинам, почему нет? Тема: развод и умение забывать.

«Оптимальное время для развода – самое начало пятого года супружеской жизни, – сказал бы им Брайан. – Возьмем мой случай. Год после развода я провел, словно в чистилище, задаваясь вопросом, какая часть вины лежит на мне, а какая – на ней, гадая, правильно ли я поступал, вновь и вновь заводя разговор о детях. В этом мы никак не могли сойтись, хотя речь шла не о наркотиках или супружеской неверности. Дети против карьеры, ничего больше. А потом у меня в голове словно возник скоростной лифт: Энн была в кабине, и лифт рухнул вниз».

Да. Рухнул. Исчез вместе с Энн. И несколько последних месяцев он об Энн совсем не думал... даже когда подходил срок очередной выплаты алиментов. Они разошлись полюбовно. Энн сама зарабатывала восемьдесят тысяч долларов в год, до вычета налогов. Деньги выплачивались через его адвоката, обычная статья ежемесячных расходов, две тысячи долларов, больше счета за электричество, но меньше взноса за квартиру в кондоминиуме.

Брайан наблюдал, как мимо прошел юноша в ермолке, под мышкой он нес футляр для скрипки. Нервный и взволнованный взгляд, устремленный в будущее. Брайан ему позавидовал.

В последний год совместной жизни они выплеснули друг на друга немало злобы и горечи, пока наконец, за четыре месяца до того как расстались, не случилось, наверное, неизбежное: рука Брайана среагировала прежде, чем мозг успел остановить ее. Он не любил это вспоминать. Энн крепко выпила на вечеринке, а когда вернулись домой, выдала ему по полной программе.

«Оставь меня в покое, Брайан. Говорю тебе, оставь. Чтоб больше никаких разговоров о детях. Хочешь проверить свою сперму – иди к врачу. Моя работа – реклама, а не производство детей. Надоел мне твой мужской шови...»

Тут он Энн и ударил, сильно, по губам. Удар вышиб у нее изо рта последнее слово. Они стояли друг против друга в квартире, где потом ей предстояло умереть, шокированные и испуганные (тогда он себе в этом не признался, но теперь, сидя в кресле 5а и наблюдая за поднимающимися на борт пассажирами рейса 29, мог позволить себе такую роскошь). Энн коснулась пальцами губ, которые начали кровоточить. Протянула руку к нему.

Ты меня ударил. В голосе слышалась не злость, а изумление. Скорее всего это был первый случай, когда кто-то в гневе приложил руку к Энн Куинлэн Энгл.

«Да, – тогда ответил он. – Можешь не сомневаться. И ударю снова, если ты не заткнешься. Больше ты не будешь сечь меня своим язычком. Лучше повесь на него замок. Говорю это для твоего же блага. Больше такого не повторится. Хочешь кого-то пинать в доме – заводи собаку».

Четыре месяца они еще прожили вместе, но семейная жизнь закончилась в тот момент, когда ладонь Брайана соприкоснулась с губами Энн. Его спровоцировали, Господь знает, что спровоцировали, но Брайан все равно многое отдал бы за то, чтобы того, что случилось, не произошло.

На борт поднимались последние пассажиры, и Брайан почему-то подумал о духах Энн. Запах он помнил, а вот название – нет. Как же они назывались? «Лиссам»? «Литсам»? Может, «Литиум»? Тепло, тепло. Но название вспомнить ему так и не удалось.

«Мне ее недостает, – мрачно решил Брайан. – Теперь, когда она ушла навсегда, мне ее недостает. Это же надо!»

«Лаунбой»? Чушь собачья!»

«А может, хватит? – спросил он у внутреннего голоса. – Поставь точку, а?»

Ладно, легко согласился внутренний голос. Нет проблем. Могу поставить точку. Как захочу, так и поставлю. Или «Лафбью»? Нет, это мыло. Извини. «Лавбайт»? «Лавлорн»?

Брайан застегнул ремень безопасности, откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и вдохнул запах духов, название которых никак не мог вспомнить.

Именно в этот момент к нему обратилась стюардесса. Конечно же! Брайан Энгл точно знал, что именно этому девушек и обучали на спецкурсе после получения удостоверения об окончании учебного заведения: подождать, пока пассажир закроет глаза, и тут же предложить ему какую-нибудь незначительную услугу. К примеру, как только пассажир заснул, осведомиться, не нужны ли ему одеяло и подушка?

– Простите, пожалуйста... – начала она и замолчала. Брайан увидел, как ее взгляд сместился с его погон на форменную фуражку, что лежала рядом на пустом сиденье.

Стюардесса, однако, быстро оправилась от удивления и предприняла вторую попытку.

– Извините меня, капитан, но не хотите ли выпить кофе или апельсинового сока? – Брайан заметил, что его взгляд заставил девушку чуть покраснеть. Она указала на маленький столик под телевизором. На нем стояли два ведерка со льдом, из которых выглядывали зеленые горлышки бутылок. – Разумеется, у нас есть и шампанское.

Энгл подумал, а не выпить ли ему шампанского, но тут же отменил эту мысль.

– Ничего не надо, благодарю. И в полете мне ничего не потребуется. Думаю, буду спать до самого Бостона. Как с погодой?

– Облака на высоте двадцати тысяч футов над Великими равнинами до самого Бостона, но это не проблема. Мы полетим на высоте тридцать шесть тысяч. Да, нам сообщили о северном полярном сиянии над пустыней Мохаве. Возможно, вы захотите на него посмотреть.

– Вы шутите! Северное полярное сияние над Калифорнией? В это время года? – Брови Брайана взлетели вверх.

– Так нам сказали.

– Кто-то перебрал дешевых наркотиков. – Стюардесса рассмеялась. – Нет уж, я, пожалуй, посплю.

– Очень хорошо, капитан. – Она замялась. – Вы тот самый капитан, только что потерявший жену, так?

Боль пульсировала в висках, но он заставил себя улыбнуться. Эта женщина, вернее девушка, явно ему сочувствовала.

– Бывшую жену. Но это я.

– Примите мои соболезнования.

– Благодарю.

– Я летала с вами?

– Вроде бы нет. – Вновь его лицо осветила улыбка. – Последние четыре года я летал только за рубеж. – Он протянул руку, полагая, что пора и познакомиться. – Брайан Энгл.

Стюардесса почтительно пожала ее.

– Мелани Тревор.

Энгл снова улыбнулся ей, откинулся назад и закрыл глаза. Задремал, но не заснул: предполетные объявления тут же разбудили бы его. Он решил, что времени выспаться ему хватит.

Рейс 29, как и все «красноглазые рейсы», взлетел вовремя: эти рейсы привлекали еще и точностью. В салонах «Боинга-767» пустовало меньше

половины мест. Первым классом, помимо Брайана, летело человек шесть. Пьяниц и любителей поскандалить Брайан среди них не углядел. А потому надежда выспаться только укрепилась.

Он слушал, как Мелани Тревор показывает аварийные выходы, объясняет, как пользоваться маской в случае падения давления (эту процедуру Брайан совсем недавно прокручивал в своем мозгу), как доставать из-под сиденья спасательный жилет и как надувать его. Самолет оторвался от взлетной полосы, и Мелани снова подошла к нему и спросила, не хочет ли он чего-нибудь выпить. Брайан отрицательно покачал головой, поблагодарил ее, а затем нажал кнопку, отклоняющую кресло назад. В какой уж раз закрыл глаза и тут же заснул.

Мелани Тревор он больше не увидел.

3

Через три часа после взлета маленькая девочка, Дайна Беллман, проснулась и спросила тетю Викки, можно ли ей попить.

Тетя Викки не ответила, и Дайна повторила вопрос. Ответа не последовало, и девочка протянула руку, чтобы коснуться плеча тети, но она уже знала, что нащупает только спинку пустого кресла. Так и произошло. Доктор Фелдман говорил ей, что дети, от рождения слепые, часто развивают в себе особое чувство, позволяющее определять – вроде радара – присутствие или отсутствие людей поблизости. Дайне эти сведения и не требовались. Девочка знала, что такое чувство есть. Оно срабатывало не всегда, но в большинстве случаев... особенно когда речь шла о ее поводыре.

«Тетя, наверное, пошла в туалет и сейчас вернется», – подумала Дайна, но ее все равно охватила безотчетная тревога. Проснулась она не внезапно, как от толчка; наоборот, просыпалась постепенно, как пловец, медленно поднимающийся из глубины на поверхность. Если бы тетя Викки, которая сидела у окна, протискивалась мимо нее в последние две или три минуты, Дайна бы это почувствовала.

«Значит, она ушла раньше, – сказала себе Дайна. – Возможно, по большой нужде... ничего в этом нет особенного. Или остановилась с кем-то поговорить».

Только Дайна не слышала, чтобы кто-то разговаривал в салоне самолета. Лишь мерно гудели двигатели. Чувство тревоги нарастало.

И тут в голове девочки послышался голос мисс Ли, ее психоаналитика (только Дайна всегда принимала ее за свою слепую учительницу): «Ты не должна бояться того, что боишься, Дайна. Все дети время от времени испытывают испуг, особенно в новых для них ситуациях. Тем более слепые дети. Поверь мне, я знаю. – И Дайна ей верила, потому что, как и девочка, мисс Ли была слепой от рождения. – Не подавляй свой страх... но и не поддавайся ему. Посиди и постарайся разобраться, что к чему. Очень помогает, уверяю тебя».

Особенно в новой для ребенка ситуации.

Что ж, именно такое с ней и случилось: Дайна летела в первый раз, тем более с побережья на побережье, на огромном трансконтинентальном лайнере.

Постарайся разобраться, что к чему.

Итак, она проснулась в странном месте и обнаружила, что ее поводырь ушла. Естественно, такое пугает, даже если ты знаешь, что отсутствует поводырь временно. В конце концов, не могло же у тети Викки возникнуть желание выйти из самолета, летящего на высоте тридцать семь тысяч футов. Что же касается странной тишины в салоне... в конце концов, это «красный глаз». Пассажиры скорее всего спят.

«Все спят? – не могла не спросить себя Дайна. – Чтобы все они спали? Возможно ли такое?» И тут же ответ пришел сам собой: «Кино. Те, кто не спит, смотрят кино. Естественно».

Дайна заметно успокоилась. Тетя Викки говорила, что показывать будут фильм «Когда Гарри встретил Салли», с Билли Кристалом и Мег Райан в главных ролях. Она сама собиралась посмотреть этот фильм... если ей удастся не заснуть.

Дайна провела рукой по креслу тети в поисках наушников, но их не нашла. Зато нащупала книжку в бумажной обложке. Несомненно, один из любовных романов, которые нравились тете Викки. О тех днях, когда мужчины были мужчинами, а женщины – нет.

Пальчики Дайны двинулись дальше и наткнулись на гладкую кожу. Потом на молнию, на ручку.

Сумочка тети Викки.

Тревога вернулась. Наушников нет, а сумочка есть. Вместе со всеми дорожными чеками. Дайна знала о чеках, потому что ее мать и тетя Викки говорили об этом перед тем, как уехать из дома в Пасадене.

Могла тетя Викки пойти в туалет и оставить сумочку на сиденье? Поступила бы она так, зная, что ее спутница, десятилетняя девочка, в данный момент спит?

Дайна в этом очень сомневалась.

Не подавляй свой страх... но и не поддавайся ему. Посиди и постарайся разобраться, что к чему.

Но Дайне не нравилось пустое сиденье и не нравилась тишина в салоне самолета. Возможно, конечно, большинство пассажиров спят, а остальные смотрят кино и стараются не шуметь, чтобы никого не разбудить, но все равно девочке это не нравилось. Животное, с удивительно острыми зубами и когтями, пробудилось в ней и начало рычать. Дайна знала, что животное это – паника, и понимала, что должна быстро обуздать его, иначе своим поведением она может поставить в неловкое положение и себя, и тетю Викки.

«Когда я смогу видеть, – подумала Дайна, – когда врачи вернут мне зрение, такие мысли больше не будут лезть ко мне».

Все так, но то, что могло быть в будущем, никоим образом не могло помочь ей сейчас.

Дайна внезапно вспомнила, как тетя Викки, когда они заняли свои места, взяла ее руку и положила на маленький пульт управления на боковине сиденья. С пультом девочка разобралась без труда. Два маленьких колесика, которые использовались вместе с наушниками: одно находило нужный аудиоканал, второе регулировало громкость звука. Прямоугольный переключатель для лампочки над сиденьем. «Тебе он не понадобится, – сказала тетя Викки с улыбкой в голосе. – Во всяком случае, на пути туда». И наконец, квадратная кнопка для вызова стюардессы.

Палец Дайны коснулся квадратной кнопки, погладил вогнутую поверхность. «Ты действительно хочешь нажать на кнопку? – спросила она себя и без запинки ответила: – Да, хочу».

Дайна нажала кнопку и услышала мелодичный звонок. Подождала.

Никто не подошел.

Лишь мерно, едва слышно гудели авиадвигатели. Никто не разговаривал. Никто не смеялся (может, фильм не такой смешной, как ожидала тетя Викки). Никто не кашлял. Сиденье рядом с ней, сиденье тети Викки, по-прежнему пустовало, и стюардесса не наклонялась к Дайне, обдавая ее запахом духов и шампуня и спрашивая, не хочет ли она что-нибудь съесть или выпить воды.

Тишину нарушал только гул двигателей.

Паника все сильнее рвалась наружу. Чтобы справиться с ней, Дайна сосредоточилась на встроенном в ее сознании радаре, невидимом луче, которым она обвела салон. Обычно получалось неплохо. Если ей удавалось сконцентрироваться, она чуть ли не могла видеть глазами других. Так ей, во всяком случае, казалось. Однажды она рассказала об этом мисс Ли, и резкая реакция последней очень удивила девочку. «Разделенное зрение – частая фантазия слепых, – сказала тогда мисс Ли. – Особенно слепых детей. Не полагайся на это чувство, Дайна, иначе случится так, что ты упадешь с лестницы или выйдешь на дорогу перед несущимся автомобилем».

Поэтому она больше не пыталась смотреть на мир глазами другого человека, но иногда это случалось независимо от ее воли, и тогда Дайна видела все глазами мамы или тети Викки.

Сейчас же девочка просто боялась, вот и старалась найти вокруг других людей, почувствовать их, но никого не находила.

И тогда Дайну охватил ужас, паника подминала ее под себя. Она почувствовала, как крик рвется у нее из груди, и крепко сжала зубы, чтобы остановить его. Потому что вырвался бы не крик, а вопль: она заорала бы, как пожарная сирена.

Я не должна кричать, приказала она себе. Я не должна кричать и ставить в неловкое положение тетю Викки. Я не должна кричать и будить тех, кто сейчас спит, и пугать тех, кто бодрствует. Они прибегут и скажут: «Посмотрите на эту трусливую маленькую девочку, посмотрите на эту трусливую маленькую девочку».

Но встроенный радар, который помогал компенсировать недостаток зрения, а иногда позволял видеть «через глаза» других (что бы там ни говорила мисс Ли), только усиливал страхи девочки.

Потому что докладывал ей, что вблизи нет никого.

Ни одного человека.

4

Брайану Энглу приснился очень плохой сон. Он вновь пилотировал самолет, летевший рейсом 7 из Токио в Лос-Анджелес. Только на этот раз с утечкой дело обстояло куда хуже. В кабине пилотов царила обреченность. Стив Сирлз плакал и ел плюшки.

– Если ты так расстроен, почему ешь? – спросил Брайан. Внезапно раздался пронзительный свист (так свистит чайник, когда закипает вода), указывающий, как предположил Брайан, на разгерметизацию салона. Глупо, конечно. Ведь если возникает щель, то воздух уходит в нее бесшумно, до того момента, как гремит взрыв, но во сне всякое возможно.

– Потому что я люблю плюшки и мне больше не удастся их поесть, – ответил Стив, рыдая все громче.

А потом свист прекратился, как отрезало. В кабину пилотов вошла улыбающаяся стюардесса, между прочим, Мелани Тревор, и сказала, что место утечки найдено и загерметизировано. Брайан поднялся и последовал за ней в большой салон, где Энн Куинлэн Энгл, его бывшая жена, стояла в небольшой нише, откуда убрали сиденья. Над ближайшим к ней иллюминатором кто-то написал странную фразу: «ТОЛЬКО ДЛЯ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД». Красным, цветом опасности.

Энн была в темно-зеленой униформе стюардесс «Гордости Америки», что удивило Брайана. Ведь она занимала крупный пост в одном рекламном агентстве Бостона и всегда с пренебрежением поглядывала на стюардесс, которые летали с ее мужем. Рука Энн лежала на трещине в фюзеляже.

– Видишь, дорогой? – гордо воскликнула она. – Я обо всем позаботилась. Не важно, что ты ударил меня. Я тебя простила.

– Не делай этого, Энн! – крикнул он, но опоздал.

Ее ладонь засасывало в щель. Сначала провалился средний палец, потом безымянный, затем указательный, мизинец. Что-то хлопнуло, словно пробка вылетела из бутылки шампанского в руках неумелого официанта, и вся кисть провалилась в щель.

Однако Энн продолжала улыбаться.

– Это «L'Envoi», дорогой, – говорила она, когда за кистью последовала рука. Заколка, стягивающая волосы, соскочила, и они рассыпались по плечам. – Я всегда ими душусь, разве ты не помнишь?

Он вспомнил... теперь вспомнил. Только это уже не имело никакого значения.

– Энн, вернись! – крикнул он.

Она продолжала улыбаться, а руку медленно засасывало в окружающую самолет пустоту.

– Совсем не больно, Брайан, поверь мне.

– «L'Envoi», помнишь? – сказала Энн, когда ее высасывало сквозь щель.

Теперь Брайан вновь слышал этот звук. Однажды поэт Джеймс Дики назвал его «звериным свистом пространства». Громкость его нарастала и нарастала, вырываясь из сна в реальность, пока шипение воздуха не превратилось в человеческий крик.

Глаза Брайана открылись. Переход от сна к бодрствованию длился лишь мгновение: Брайан был профессионалом, а его сверхответственная, связанная с высоким риском работа прежде всего требовала быстрой и точной реакции в чрезвычайных ситуациях. Он летел рейсом 29, а не рейсом 7, не из Токио в Лос-Анджелес, а из Лос-Анджелеса в Бостон. Энн уже умерла, и причиной смерти стала не щель в корпусе авиалайнера, а пожар в ее доме на Атлантик-авеню, рядом с набережной.

Но звук остался. Пронзительно кричала маленькая девочка.

5

– Пожалуйста, откликнитесь, – тихо, но отчетливо произнесла Дайна Беллман. – Очень сожалею, но моя тетя ушла, а я слепая.

Нет ответа. Впереди, через сорок рядов и две перегородки от нее, Брайану Энглу снилось, как его штурман плачет и ест плюшки.

Только мерно гудели двигатели.

Паника грозила подчинить себе разум, и у Дайны остался лишь единственный способ сдержать ее: она расстегнула ремень безопасности, встала и вышла в проход.

– Эй? – позвала она громче. – Эй, кто-нибудь!

Нет ответа. Дайна заплакала. Но тем не менее продолжала держать себя в руках.

Считай ряды, отчаянно заверещал внутренний голос. Считай, сколько рядов ты прошла, а не то тебе никогда не найти дороги назад.

Она остановилась у следующего ряда кресел по левую руку, наклонилась, протянула руку. Она знала, что там сидел мужчина, потому что тетя Викки разговаривала с ним за минуту или две до взлета. Когда он отвечал, голос доносился с того кресла, что находилось перед Дайной. Она это знала, определение местонахождения голосов стало для нее способом жить, совсем как дыхание. Спящий мужчина подпрыгнул бы от ужаса, почувствовав, что его ощупывают чьи-то пальцы. Но Дайну это уже не волновало.

Да только кресло пустовало.

Пустовало. Совсем.

Дайна выпрямилась, с мокрыми от слез щеками, испуганная. Они же не могли пойти в туалет вместе, не так ли? Разумеется, нет.

Может, туалетов два? В таком большом самолете их, конечно, два.

Но вопрос о количестве туалетов давно потерял актуальность.

Тетя Викки никуда бы не пошла без своей сумочки. Дайна в этом не сомневалась.

Девочка медленно двинулась дальше, останавливаясь у каждого ряда, ощупывая два ближайших кресла, слева и справа.

На одном нашла сумочку, на втором – брифкейс, на третьем – авторучку. На двух обнаружила наушники. Взявшись за вторую пару, прикоснулась к чему-то липкому. Потерла пальцы друг о друга, скорчила гримаску, вытерла руку о салфетку-подголовник. Ушная сера. Это точно. У нее особая, ни с чем не сравнимая консистенция.

Дайна Беллман продвигалась все дальше, уже не думая о том, что может кого-то потревожить. Она не попадала кому-либо в глаз, не щипала за щеку, не дергала за волосы.

Все кресла, которые она ощупывала, пустовали.

В какой-то момент, пока она спала, ее тетя и все пассажиры рейса 29 исчезли.

«Нет, – возразил ей голос мисс Ли, сохранивший способность мыслить логично. – Нет, это невозможно, Дайна! Если все покинули самолет, кто же сидит за штурвалом?»

Девочка прибавила шаг, хватаясь за ручки кресел, широко открыв глаза за темными очками. Со счета она давно сбилась, но тревожило ее другое: тишина.

Она вновь остановилась. Наклонилась над креслом справа. На этот раз ее руки нащупали волосы... но в странном месте. Волосы на сиденье – как такое могло быть?

Пальцы сжались... и она подняла волосы. Тут Дайне открылась ужасная истина.

Волосы есть, а человека, которому они принадлежали, нет. Это скальп. Она держала в руке скальп мертвого человека.

Вот тут Дайна Беллман и разразилась криком, который вырвал Брайана Энгла из сна.

6

Алберт Косснер сидел у стойки бара, пил виски «Брэндинг айрон». Братья Эрпы, Уатт и Вирджил, устроились справа от него, док Холлидей – слева. Он как раз поднял стакан, чтобы провозгласить тост, когда в салун «Серджо Леоне» ворвался мужчина с деревянным протезом вместо левой ноги.

Уатт повернулся к нему. Спокойный, загорелый, симпатичный. Вылитый Хью О'Брайен[4 - В этой подглавке упомянуты американские киноактеры, часто снимавшиеся в вестернах.].

- Это Томбстоун, Маффин. Здесь суетиться не принято.

- Так они же скачут сюда! - воскликнул Маффин. - И они в ярости, Уатт! Говорю тебе, в ярости!

Словно подтверждая его слова, с улицы донеслись выстрелы: тяжелый грохот армейских револьверов сорок четвертого калибра (скорее всего украденных у солдат), отрывистые хлопки винтовок.

- Не попачкай штаны, Маффин. - Док Холлидей сдвинул шляпу на затылок. Алберт несколько не удивился тому, что доктор выглядел как Роберт Де Ниро. Он всегда верил, что если кто и может сыграть роль ковбоя-дантиста, так это Де Ниро.

- О чем вы тут толкуете, парни? - Вирджил Эрп огляделся.

Он Алберту никого не напоминал.

- Пошли. - Уатт поднялся. - Меня эти чертовы Клэнтоны уже достали.

- Это Долтоны, Уатт, - ровным голосом поправил его Алберт.

- Да хоть Джон Дилинджер или Красавчик Флойд. Ты с нами, Туз, или как?

- С вами.

Говорил Алберт Косснер мягко и вкрадчиво, с интонациями прирожденного убийцы. Одна его рука упала на рукоятку длинноствольного «бантлайн спешл», другая поднялась к голове, убедиться, что ермолка на месте. Убедилась.

- Отлично, парни! - Встал и док. - Поджарим Долтонам задницу.

Они вышли из салуна как раз в тот момент, когда колокол баптистской церкви Томбстоуна начал отбивать полдень.

Долтоны галопом мчались по Главной улице, постреливая в окна и витрины. Цистерну с водой перед «Торговой лавкой Дьюка» они превратили в фонтан.

Айк Долтон первым увидел на пыльной улице четырех мужчин в расстегнутых куртках, дабы последние не мешали схватиться за револьверы. Айк резко дернул за поводья, и его лошадь, протестуя заржав, поднялась на задние ноги. На удилах ключьями висела пена. Айк Долтон неуловимо напоминал Ратгера Хауэра.

– Посмотрите, кто у нас здесь, – фыркнул он. – Никак Уатт Эрп и его братишка Вирджил. Или сестричка?

Эмметт Долтон (Доналд Сатерленд после месяца ночных попоек) остановил лошадь рядом с Айком.

– И еще их дружок дантист, – прорычал он. – Да кто захочет... – Тут он взглянул на Алберта и заметно побледнел.

Папаша Долтон подтянулся к сыновьям. В Папаше без труда узнавался Слим Пикенс.

– Господи, – выдохнул Папаша. – Да это Туз Косснер!

Френк Джеймс пристроился рядом с Папашей. Лицо его было цвета грязного пергамента.

– Какого черта, парни! – воскликнул Френк. – Я не против того, чтобы пограбить от скуки какой-нибудь городок, но никто не сказал мне, что здесь будет Аризонский Еврей!

Алберт Туз Косснер, от Седалии до Стимбоута известный как Аризонский Еврей, выступил вперед. Его рука зависла над рукояткой «бантлайна». Он сплюнул табачную жвачку, не отрывая холодных серых глаз от всадников, застывших в двадцати футах от него.

– Ваш ход, парни, – процедил Аризонский Еврей. – По моим расчетам, в аду еще достаточно свободных мест.

С последним ударом колокола на баптистской церкви банда Долтонов выхватила револьверы. Туз управился со своим гораздо быстрее. Но, едва он начал поливать Долтонов свинцовым дождем, на ступенях отеля «Лонгхорн» закричала маленькая девочка.

«Кто-то должен заставить замолчать эту малявку, – подумал Туз. – Чего она так орет? Ситуация под контролем. Не зря же меня называют самым быстрым стрелком-евреем к западу от Миссисипи».

Но крик нарастал, раздирая воздух, соединяя сон с реальностью.

На мгновение Алберт оказался в полной темноте, в промежутке между сном и бодрствованием. Лишь крик рвал барабанные перепонки, словно кто-то никак не хотел снять с плиты закипевший чайник.

Наконец молодой человек открыл глаза и огляделся. Он на своем сиденье, в передней части главного салона самолета, следующего рейсом 29. По проходу идет маленькая девочка, лет десяти, в розовом платье и черных очках.

«Она что, кинозвезда?» – почему-то подумал Алберт, уже не на шутку перепугавшись. Из любимого сна его вырвали, как репку из земли.

– Эй! – позвал он негромко, чтобы не разбудить других пассажиров. – Эй, девочка! Что случилось?

Маленькая девочка мгновенно повернула голову на звук его голоса. Затем повернулась всем телом, но задела одно из кресел центрального ряда. Дайну отбросило в сторону, и она через подлокотник повалилась в кресло левого ряда, ножки ее взлетели вверх.

– Есть тут кто-нибудь? – закричала девочка. – Помогите мне! Помогите!

– Эй, стюардесса! – с тревогой позвал Алберт и расстегнул ремень безопасности.

Встал, выскользнул в проход, направился к маленькой девочке... и остановился. Он смотрел в хвост самолета, и то, что видел, леденило его кровь.

«Похоже, я мог не волноваться, что перебужу остальных пассажиров», – сразу подумал он.

Широко раскрытыми глазами Алберт смотрел на – как ему казалось – абсолютно пустой главный салон «Боинга-767».

7

Брайан Энгл почти поравнялся с перегородкой, разделявшей салоны первого и бизнес-класса, когда до него неожиданно дошло, что в салоне первого класса нет ни души. Он даже остановился и лишь через секунду-другую двинулся дальше, решив, что остальные, возможно, услышали крик раньше него и поспешили посмотреть, что случилось.

Впрочем, он в этом сомневался. Брайан Энгл достаточно долго возил пассажиров и неплохо разбирался в групповой психологии. Если один начинал чудить, остальные предпочитали не обращать на это внимания. Большинство авиапутешественников слагали с себя право на индивидуальные действия, как только поднимались на борт серебристой птицы и пристегивали ремни безопасности. Для себя они оставляли решение самых простых проблем, а все остальное перекладывали на плечи экипажа. Авиаторы держали их за дураков, но, скорее, следовало называть их овцами. Вот и обращались с пассажирами как со стадом. Это позволяло держать в узде самых нервных.

Брайан еще не проснулся окончательно, и часть его сознания твердила, что кричит Энн, что сейчас он найдет ее в главном салоне, с рукой, затянутой в щель, над которой краснела надпись: «СТРЕЛЬБА ТОЛЬКО НАЧАЛАСЬ».

В салоне бизнес-класса Брайан обнаружил только одного пассажира, пожилого мужчину в коричневом костюме-тройке. Его лысина поблескивала в свете лампы для чтения. Пальцы, с раздутыми от артрита суставами, лежали на пряжке ремня безопасности. Он крепко спал, оглашая салон громким храпом. Крики ему

нисколько не мешали.

Брайан поспешил в главный салон и замер, потрясенный увиденным. Он просто не верил своим глазам. Юноша стоял рядом с маленькой девочкой, которая упала в кресло по левому борту. Юноша, однако, смотрел не на нее, а в глубь салона, и его нижняя челюсть уже проделала долгий путь от верхней до круглого воротника футболки с надписью «HARD ROCK CAFE».

Первая реакция Брайана ничем не отличалась от реакции Алберта Косснера: «Боже мой, самолет пуст!»

Потом он увидел, как из правого ряда встала женщина и вышла в проход, чтобы посмотреть, что случилось. Ее покачивало, по выражению лица и глаз чувствовалось, что она крепко спала и до конца еще не проснулась. Посередине салона, в центральном ряду, мужчина в водолазке тянулся вверх, без особого интереса поглядывая на маленькую девочку. Еще один мужчина, лет шестидесяти, поднялся из кресла неподалеку от Брайана, нерешительно оглядываясь. На нем была красная фланелевая рубашка, и он явно не понимал, где находится и как сюда попал. Волосы торчали в разные стороны.

– Кто кричит? спросил он Брайана. Самолет терпит аварию? Как по-вашему, мы падаем?

Маленькая девочка перестала кричать. Выбралась из кресла, в которое свалилась, и чуть не упала. Но юноша успел ее подхватить, хотя его движениям явно не хватало быстроты.

Куда они подевались? думал Брайан. Господи, куда же все подевались? А ноги уже несли его к юноше и маленькой девочке. Он миновал еще одного пассажира, девушку лет семнадцати. Она крепко спала. Рот приоткрылся, и воздух с неприятным шумом вылетал из него при каждом выдохе.

Брайан подошел к юноше и девочке в розовом платье.

– Где народ? – спросил Алберт Косснер. Его рука лежала на плече всхлипывающего ребенка, но он не смотрел на девочку: его глаза снова и снова обегали пустой салон. – Мы где-то приземлялись, пока я спал, и все вышли?

– Моя тетя ушла! – сквозь слезы выдохнула девочка. – Моя тетя Викки! Я думала, в самолете никого нет! Я думала, что осталась одна! Скажите, где моя тетя? Я хочу к моей тете!

Брайан опустил рядом с ней на корточки, его глаза оказались на уровне черных очков. Он вспомнил, как девочка шла рядом со светловолосой женщиной.

– С тобой все в порядке. Не волнуйся, с тобой все в порядке. Как тебя зовут?

– Дайна. – Вновь слезы. – Я не могу найти мою тетю. Я слепая и не могу видеть ее. Я проснулась, а рядом никого не...

– Что происходит? – спросил мужчина в водолазке; Брайана и Дайну он игнорировал, обращаясь к юноше в футболке с надписью «HARD ROCK CAFE» и мужчине во фланелевой рубашке. – Где остальные?

– С тобой все в порядке, Дайна, – повторил Брайан. – Тут есть и другие люди. Ты их слышишь, не так ли?

– Д-да. Я их слышу. Но где тетя Викки? И кого убили?

– Убили? – резко спросила женщина.

Та самая, что сидела по правому борту. Брайан взглянул на нее, увидел, что она молода, красива, черноволоса.

– Кого-то убили? Нас похитили?

– Никого не убили, – ответил Брайан. Только паники и не хватало. Но голова у него шла кругом. – Успокойся, дорогая.

– Я нашла его волосы! – настаивала Дайна. – Кто-то отрезал его ВОЛОСЫ!

Об отрезанных волосах думать не хотелось. Тем более что ему вспомнилась одна фраза Дайны («Я думала, в самолете никого нет»), и по спине побежал неприятный холодок. А кто, черт побери, сидит за штурвалом?

Брайан поднялся, повернулся к мужчине в красной рубашке:

– Я должен отойти. Оставайтесь с маленькой девочкой.

– Хорошо, – кивнул мужчина. – Но что происходит?

К ним присоединился еще один мужчина, лет тридцати пяти, в отглаженных джинсах и оксфордской рубашке. В отличие от остальных он был совершенно спокоен. Достал из нагрудного кармана очки в роговой оправе, раскрыл дужки и водрузил очки на нос.

– У нас стало на несколько пассажиров меньше, не так ли? – спросил мужчина с британским акцентом. – Как насчет команды? Кто-нибудь в курсе?

– Именно это я и собираюсь выяснить. – И Брайан двинулся к кабине пилотов.

Выходя из главного салона, он оглянулся. Еще двое подошли к маленькой девочке в черных очках: девушка, которая крепко спала с открытым ртом, ее еще качало, словно она крепко выпила или обкурилась, и пожилой господин в потертом пиджаке спортивного покроя. Восемь человек. Плюс он и мужчина в салоне бизнес-класса, который проспал все что можно.

Десять.

Да что же, во имя Господа, случилось с остальными?

Но времени думать об этом не было, сейчас следовало решать другие самые серьезные проблемы. Брайан поспешил в носовую часть самолета мимо мужчины, все так же мирно похрапывающего в салоне бизнес-класса.

8

Служебная зона, втиснутая между киноэкраном и двумя купе первого класса, пустовала. Вот там-то Брайан и увидел тележку с напитками, которую откатали

к дверце туалета по правому борту. На нижней полке тележки стояли использованные стаканы.

«Они как раз собирались развозить напитки, – подумал Брайан. – Когда это произошло, уж не знаю что именно, они только выкатили тележку. И использованные стаканы собрали до взлета. Значит, все случилось сразу же после отрыва от земли, в течение первых тридцати минут или около того. Синоптики вроде бы докладывали об атмосферных возмущениях над пустыней. Да, да, какая-то чушь насчет северного полярного сияния.

Брайан уже подумал, что ему и это приснилось, но вспомнил, что сказала ему об этом Мелани Тревор, стюардесса рейса 29.

А вот кто бы теперь сказал ему, что здесь произошло?

При взгляде на брошенную тележку для напитков его охватил ужас и страх перед сверхестественным. Наверное, те же чувства испытывали люди, первыми поднявшиеся на борт «Марии Селесты» и обнаружившие, что на корабле нет ни души, хотя паруса в полном порядке, в капитанской каюте накрыт стол к обеду, а в кубрике еще курится трубка одного из моряков...

Неимоверным усилием воли Брайан отогнал эти парализующие волю мысли и подошел к двери между служебной зоной и кабиной пилотов. Постучал. Как он и опасался, никакой ответной реакции. Брайан забарабанил кулаком в дверь, хотя и знал, что это бесполезно.

Напрасно.

Он попытался повернуть ручку. Ничего не вышло. В эпоху не предусмотренных расписанием рейсов в Гавану, Ливан и Тегеран вход в кабину строго ограничили: пилоты только изнутри могли открыть дверь. Брайан мог бы сесть за штурвал этого самолета... но сначала надо было попасть в кабину.

– Эй! – крикнул он. – Эй, парни! Откройте дверь!

Он уже знал, что ему никто не ответит. Стюардессы исчезли вместе с большинством пассажиров, так что Брайан Энгл готов был поспорить на

последний доллар, что в кабине пилотов тоже пусто.

И летящим на восток самолетом управляет автопилот.

Глава 2

1

Брайан попросил мужчину в красной рубашке приглядеть за Дайной, но девочка услышала женский голос, молодой и приятный, устремилась к его обладательнице и крепко схватила ее за руку. После стольких лет, проведенных с мисс Ли, Дайна сразу отличала голос учительницы. Темноволосая женщина не отдернула руки.

- Так тебя зовут Дайна, дорогая?

- Да, - кивнула девочка. - Я слепая, но после операции в Бостоне я снова смогу видеть. Надеюсь, что смогу. По мнению врачей, существует семидесятипроцентная вероятность того, что зрение восстановится частично, и сорокапроцентная - что полностью. А как вас зовут?

- Лорел Стивенсон, - ответила черноволосая женщина.

Она все оглядывала главный салон, и с огромным изумлением.

- Лорел - это растение[5 - Женское имя Лорел и растение лавр обозначаются одним и тем же английским словом - Laurel.], не так ли? - спросила Дайна, чувствуя, как разговор помогает заглушить страх.

– Извините меня. – Мужчина в роговых очках и с британским акцентом чуть поклонился. – Пойду составлю компанию нашему другу.

– Я с вами, – присоединился к нему мужчина в красной рубашке.

– Я хочу знать, что тут происходит! – воскликнул мужчина в водолазке, при этом его лицо побледнело как мел, на щеках ярко выделялись пятна румянца. – Я хочу знать, что происходит, и немедленно!

– Меня это не удивляет, – ответил англичанин и пошел в носовую часть самолета.

Мужчина в красном пристроился рядом. Девушка потянулась следом, но у перегородки между главным салоном и салоном бизнес-класса в нерешительности остановилась, не зная, идти дальше или вернуться назад.

Пожилой мужчина в пиджаке спортивного покрова протиснулся к иллюминатору левого борта.

– И что вы видите? – спросила Лорел Стивенсон.

– Темноту и горы, – ответил мужчина.

– Рокки?[6 - Скалистые горы, крупнейшая горная система в Кордильерах Северной Америки, образующая их восточную часть.] – спросил Алберт.

Мужчина в пиджаке спортивного покрова кивнул:

– Полагаю, что да, молодой человек.

Алберт решил, что и ему пора пройти в носовую часть самолета. В семнадцать лет ума ему было не занимать, поэтому и его не миновал Главный Вопрос: «А кто управляет самолетом?»

Потом, правда, он подумал, что не так это и важно... во всяком случае, на текущий момент. Они летят ровно, на одной высоте, значит, кто-то управляет, а может, и что-то, к примеру автопилот, но, так или иначе, он лично ничего

изменить не мог.

Кто он, в конце концов? Если Алберт Косснер – то талантливый скрипач (но не гений), который летит учиться в Музыкальный колледж Беркли. Если Туз Косснер (это уже из снов), то самый быстрый стрелок из всех евреев, проживающих западнее Миссисипи, охотник за преступниками, отдыхающий по субботам, не ложащийся на постель в обуви, одним глазом выслеживающий жертву, а вторым выискивающий кафе с кошерной пищей. Изображая из себя Туза, он, конечно, искал спасения от чрезмерной любви родителей, которые не разрешили ему играть в Малой бейсбольной лиге из страха, что он повредит пальцы, и свято верили, что любой чих свидетельствует о первой стадии воспаления легких.

Стрелок-скрипач, несомненно, любопытная комбинация! Правда, он ничего не знал об управлении самолетом. Да еще маленькая девочка произнесла заинтриговавшую его фразу: «Я нашла его волосы. Кто-то отрезал его ВОЛОСЫ!»

Он покинул Дайну и Лорел (мужчина в потертом пиджаке спортивного покроя переместился к правому борту, чтобы посмотреть, что творится с другой стороны, мужчина в водолазке уже шел в носовую часть самолета, хищно щурясь) и двинулся к хвосту, повторяя путь Дайны, но в обратном направлении.

Кто-то отрезал его ВОЛОСЫ!

Алберту не понадобилось много времени, чтобы понять, о чем говорила слепая девочка.

2

– Я молюсь, сэр, о том, чтобы фуражка пилота, которую я заметил в салоне первого класса, принадлежала вам.

Брайан стоял перед закрытой дверью в кабину пилотов, опустив голову и глубоко задумавшись, пытаясь найти нужное решение. Когда англичанин заговорил за его спиной, Брайан вздрогнул от неожиданности и круто

развернулся.

– Покорнейше прошу простить, если я вас напугал, – продолжил англичанин. – Я – Ник Хопуэлл. – Он протянул руку.

Брайан ее пожал. При этом ему вновь почудилось, что все это происходит во сне. Том самом, причиной которого стали тяжелый перелет из Токио и известие о смерти Энн.

Часть его сознания понимала, что сейчас он вовсе и не спит, точно так же, как раньше та же часть сознания отметила, что крик маленькой девочки – диссонанс в обезлюдившем салоне первого класса, хотя Брайан и старался убедить себя: все побежали помогать девочке. Если такие мысли шли на пользу, зачем их отбрасывать? К тому же вокруг все встало с ног на голову, и даже попытка подумать, разобраться, что к чему, вызывала острую головную боль. Благо времени думать просто не было, совсем не было, и его это только радовало.

– Брайан Энгл, – представился он. – Рад познакомиться с вами, хотя обстоятельства... – Он пожал плечами.

Так при каких обстоятельствах они познакомились? Подобрать определение не удалось. Он не находил слова для точного определения этих обстоятельств.

– Необычные, не так ли? – пришел на помощь Хопуэлл. – Полагаю, сейчас лучше об этом не думать. Команда не откликается?

– Нет. – Брайан вновь стукнул кулаком по двери.

– Спокойнее, спокойнее, – остановил его Хопуэлл. – Расскажите мне о фуражке, мистер Энгл. Вы даже представить себе не можете, какие я испытаю радость и облегчение, если мне будет дозволено величать вас капитан Энгл.

Брайан не мог не улыбнуться.

– Я капитан Энгл, но, учитывая необычные обстоятельства, зовите меня Брайан.

Ник Хопуэлл схватил левую руку Брайана и сочно поцеловал ее.

– Я бы предпочел называть вас спасителем. Надеюсь, вы возражать не станете?

Брайан расхохотался. И Ник тоже. Они стояли у запертой двери и хохотали во все горло, пока к ним не подошли мужчина в красной рубашке и мужчина в водолазке. Судя по выражению их лиц, они решили, что Брайан и Ник свихнулись.

3

Алберт Косснер несколько мгновений держал парик в руке, пристально его разглядывая. Волосы черные, поблескивающие под светом ламп, на ощупь не отличимые от настоящих. Неудивительно, что маленькая девочка так напугалась, приняв парик за скальп. Алберту тоже стало бы страшно, схватись он за этот парик с завязанными глазами.

Он бросил парик обратно на сиденье, взглянул на сумочку на сиденье рядом и присмотрелся повнимательнее. Рядом с сумочкой лежало золотое обручальное кольцо. Алберт осмотрел его и положил на место. Медленно пошел в хвост. Не прошло и минуты, как он полностью забыл о мучившем его вопросе: кто управляет самолетом и как они сядут, если это автопилот?

Пассажиры рейса 29 исчезли, но от них остались баснословные сокровища. Чуть ли не на каждом сиденье Алберт находил драгоценности, главным образом обручальные кольца, но попадались и другие, с бриллиантами, изумрудами, рубинами. Хватало и сережек, в том числе и достаточно дорогих, по мнению Алберта. У его матери были неплохие драгоценности, но в сравнении с некоторыми находками они казались дешевой бижутерией. На сиденьях лежали также заколки для галстука, запонки, браслеты и идентификационные таблички. И часы, часы, часы. От «Таймекса» до «Ролекса», никак не меньше двух сотен часов, на сиденьях, на полу между рядами, в проходах. С поблескивающими циферблатами.

Компанию часам составляли очки. Их было не меньше шестидесяти. В тонкой металлической, роговой, золотой оправках. Производства таких фирм, как «Рай-Бэнс», «Полароид», «Фостер Грант».

Алберт видел пряжки от ремней, заколки, мелочь. Бумажных денег не было, но монет по двадцать пять, десять, пять и одному центу набиралось долларов на четыреста. Насчитал Алберт и с десяток бумажников, как из хорошей кожи, так и из пластика, несколько перочинных ножей, штук шесть калькуляторов.

Попадались и более странные вещи. Он поднял с сиденья пластиковый розовый цилиндр, смотрел на него добрых тридцать секунд, прежде чем понял, что это искусственный фаллос, и торопливо положил на место. На другом кресле он нашел маленькую золотую ложечку на золотой цепочке. Тут и там блестели серебряные и золотые кусочки металла. Подняв пару штук, он убедился, что его догадка верна: коронки и пломбы. В одном из дальних рядов Алберт наткнулся на два металлических цилиндра. И достаточно быстро сообразил, что это хирургические штыри, место которых не на полу опустевшего самолета, а в коленном или плечевом суставе.

Нашел он и еще одного пассажира, бородатого молодого человека, который развалился на двух сиденьях последнего ряда. Пассажир громко храпел, а разило от него, как из пивной бочки.

В том же ряду Алберт увидел миниатюрный прибор, как он предположил, имплантируемый кардиостимулятор.

Алберт оглядел огромный и пустой главный салон.

– Что же тут происходит? – спросил он дрожащим голосом.

4

– Я желаю знать, что здесь происходит? – отчеканил мужчина в водолазке.

Широким шагом он вошел в служебную зону между салоном первого класса и дверью в кабину пилотов. Словно новый владелец контрольного пакета акций, завладевший компанией вопреки желанию руководства.

– На текущий момент? – осведомился Ник Хопуэлл, одарив Водолазку улыбкой. – Мы как раз намеревались взломать эту дверь. Команда самолета, похоже, сгнула вместе с остальными пассажирами, но нам тем не менее повезло. Совершенно неожиданно выяснилось, что мой новый знакомый – пилот, который спал как бревно и...

– Кто-то действительно многое проспал, и я собираюсь выяснить, кто именно, поверьте мне. – Водолазка протиснулся мимо Ника и вперился грозным взглядом в Брайана. – Вы работаете в «Американской гордости»?

– Да, но почему бы нам не отложить выяснение отношений на потом? Сейчас главное...

– Я скажу вам, что сейчас главное! – рявкнул Водолазка, обрызгав лицо пилота облаком мельчайших капелек слюны.

Брайан едва подавил удивительно сильное желание схватить этого мерзавца за шею и путем эксперимента определить, на какой угол требуется повернуть ему голову, чтобы внутри что-нибудь сломалось.

– В девять утра у меня совещание в Пруденшл-центре с представителями «Бэнк интернэшнл». Ровно в девять утра! Я купил билет на этот рейс в полной уверенности, что мы прибудем в Бостон точно по расписанию. Опаздывать я не собираюсь! А потому хочу выяснить три момента: кто санкционировал незапланированную посадку, пока я спал, где мы сидели и почему!

– Вы когда-нибудь смотрели «Стар трек»? – неожиданно спросил Ник Хопуэлл.

Водолазка повернул к нему покрасневшее от прилива крови лицо. Было видно, что он считает англичанина сумасшедшим.

– О чем вы говорите?

– Это прекрасный американский сериал, – пояснил Ник. – Научная фантастика. Исследование странных новых миров, вроде того, что сейчас существует в вашей голове. И если вы не заткнете вашу пасть, паршивый кретин, я с удовольствием продемонстрирую вам знаменитый усыпляющий захват мистера Смока.

– Вы не имеете права разговаривать со мной в таком тоне! – огрызнулся Водолазка. – Вы знаете, кто я такой?

– Разумеется, – кивнул Ник. – Злая мелкая сошка, принявшая посадочный талон за удостоверение личности Создателя. Вы также очень испуганы. В этом нет ничего плохого, но вы мешаетесь под ногами.

Водолазка побагровел до такой степени, что Брайан испугался, как бы у него не взорвалась голова. Такое он уже видел в кино. И не хотел повторения в реальной жизни.

– Не смейте так говорить со мной! Вы даже не американский гражданин!

Ник Хопуэлл отреагировал столь быстро, что Брайан едва уловил движение его руки. Мгновением раньше мужчина в водолазке кричал на Ника, а Ник стоял рядом с Брайаном, уперевшись руками в бедра, обтянутые отглаженными джинсами. А мгновение спустя согнутые указательный и средний пальцы правой руки Ника зажали нос Водолазки.

Он попытался вырваться. Пальцы Ника усилили хватку... а потом его кисть чуть повернулась, словно ввинчивая шуруп или заводя будильник. Водолазка вскрикнул от боли.

– Я могу сломать вам нос, – проворковал Ник. – Пустяковое дельце, уверяю вас.

Водолазка подался назад и обеими руками попытался оторвать пальцы Ника. Кисть вновь повернулась, Водолазка еще раз взвизгнул.

– Мне представляется, что вы меня не слышите. Я могу сломать нос. Вы поняли? Покажите, что поняли.

И третий раз крутанул нос Водолазки. Тут Водолазка взревел от боли.

– Классно, – прокомментировала подошедшая к ним обкуренная девушка. – Носовой захват.

– У меня нет времени обсуждать ваши деловые встречи, – продолжил Ник. – У меня нет времени на тех, кто маскирует агрессивностью истерию. Мы попали в передрагу, серьезную передрагу. Вы, сэр, никак не способствуете выходу из создавшейся ситуации, а я не могу допустить того, чтобы вы создавали лишние проблемы. Поэтому я собираюсь отослать вас в главный салон. Этот джентльмен в красной рубашке...

– Дон Гаффни, – представился джентльмен, изумленно таращась на Ника.

– Благодарю вас, – кивнул Ник.

Он по-прежнему держал Водолазку за нос, и Брайан увидел струйку крови, зазмеившуюся из одной ноздри. А Ник подтянул Водолазку поближе и заговорил мягким, вкрадчивым голосом:

– Мистер Гаффни вас проводит. В главном салоне, мой крикливый друг, вы сядете в кресло и пристегнетесь ремнем безопасности. Потом, когда капитан заверит нас, что мы не врежемся в гору, здание или другой самолет, мы сможем провести более продолжительную дискуссию о нашем теперешнем положении. Вы понимаете, что я вам говорю?

С губ Водолазки сорвалось что-то яростное и нечленораздельное.

– Если понимаете, пожалуйста, поднимите руку большим пальцем вверх.

Водолазка поднял правую руку с оттопыренным большим пальцем. Брайан отметил, что он пользуется услугами маникюрши.

– Отлично. И вот что еще. Когда я отпущу ваш нос, у вас, возможно, возникнет желание отомстить. Желание – дело святое. А вот попытка реализовать его на практике будет чудовищной ошибкой. Я хочу, чтобы вы помнили: то, что я сделал с вашим носом, я могу так же легко проделать и с вашими яйцами. Только когда я отпущу их, вы будете летать по салону, как детский аэроплан. Я рассчитываю, что вы спокойно уйдете с мистером...

Он вопросительно посмотрел на мужчину в красной рубашке.

– Гаффни, – повторил мужчина.

– Гаффни, правильно. Я рассчитываю, что вы уйдете с мистером Гаффни. Не выражая своего недовольствия. Не протестуя. Учтите, если произнесете хоть слово, вы узнаете, что такое настоящая боль. Поднимите руку большим пальцем вверх, если вы меня хорошо поняли.

Водолазка отчаянно замахал рукой с оттопыренным пальцем, словно ловил попутку.

– Вот и славненько! – И Ник отпустил нос Водолазки.

Он отступил на шаг, зло и недоуменно глядя на Ника. Очень Водолазка напоминал кота, которого только что окатили холодной водой. Злость его Брайана не тронула. А вот недоумение заставило пожалеть. Он ведь и сам не понимал, что происходит.

Водолазка коснулся рукой носа, чтобы удостовериться, что последний на месте. Струйка крови, очень тоненькая, текла уже из каждой ноздри и окрасила подушечки пальцев. Водолазка смотрел на них, не веря своим глазам. Открыл было рот.

– Не советую, – вмешался Дон Гаффни. – Этот парень слов на ветер не бросает. Лучше бы вам пройти со мной.

И взял Водолазку за руку, но тот идти не хотел и вновь открыл рот.

– Напрасно, – покачала головой девушка, как показалось Брайану, обкуренная.

Водолазка закрыл рот и позволил Гаффни увести себя в салон первого класса. Один раз он оглянулся и посмотрел на них, в его глазах так и застыло недоумение.

Ник уже смотрел в иллюминатор.

– Вроде бы летим над Скалистыми горами и на безопасной высоте.

Взглянул и Брайан. Да, Рокки, похоже, это хребет. Высота полета примерно тридцать пять тысяч футов. Как и говорила Мелани Тревор. Значит, все в порядке... по крайней мере пока.

- Идите сюда, - позвал он Ника. - Помогите сломать эту дверь.

- Позвольте мне руководить операцией, Брайан? Опыт по этой части у меня есть.

- Будьте так любезны. - Брайан поневоле задался вопросом: откуда у Ника Хопуэлла опыт по части сворачивания носов и вышибания дверей? И решил, что история эта скорее всего длинная.

- Хорошо бы знать, насколько крепок замок. Если мы надавим слишком сильно, то можем влететь в кабину. А мне не хотелось бы, чтобы мы разбили то, чего бить не следует.

- Не знаю, - задумчиво ответил Брайан. - Но не думаю, что это сейфовый замок.

- Отлично! Теперь повернитесь ко мне лицом, правым плечом к двери. Я, соответственно, левым.

Брайан повернулся.

- Считаю я. На счет «три» бьем плечом в дверь. Ноги согните. У нас больше шансов выбить замок, если точка приложения силы будет ниже. Бьем не со всей силы. Если не хватит, прибавим во второй раз. Понятно?

- Так точно.

Девушка, уже более осознанно воспринимающая происходящее вокруг, неожиданно спросила:

- Наверное, запасной ключ под ковриком оставляют, не так ли?

Ник удивленно посмотрел на нее, потом повернулся к Брайану:

– Может, действительно есть запасной ключ?

Брайан покачал головой:

– Боюсь, что нет. Зачем давать террористам лишний шанс?

– Конечно, – кивнул Ник. – Естественно. – И подмигнул девушке. – Молодец, голова для того и нужна, чтобы думать.

Девушка выдавила из себя улыбку.

Ник вновь посмотрел на Брайана:

– Готовы?

– Да.

– Поехали. Раз... два... три!

Они синхронно ударили в дверь, и она открылась на удивление легко. Между служебной зоной и кабиной была маленькая приступочка, в три дюйма, ступенькой-то не назовешь. Нога Брайана соскочила с нее, и он полетел бы головой вперед, если бы Ник не схватил его за плечо. У англичанина была удивительно быстрая реакция.

– С дверью разобрались, – сказал он скорее себе, чем Брайану. – Теперь посмотрим, что мы имеем, не так ли?

5

Брайан увидел, что кабина пилотов пуста, и по рукам и шее побежали мурашки. Одно дело знать, что «767» может пролететь тысячи миль на автопилоте, руководствуясь информацией, заложенной в бортовую навигационную систему (Господи, да он сам сколько раз передавал управление автопилоту), но совсем

другое – лицезреть два пустых кресла в первом ряду кабины. Брайана как громом поразило. Такого он не видел за всю свою карьеру.

Но вот довелось. Ручка управления двигалась сама по себе, удерживая самолет на заданном курсе. Приборный щиток горел зелеными лампочками. Два маленьких крылышка на индикаторе высоты покачивались выше черты, отмечающей уровень моря. А в небе горели миллионы звезд.

– Однако... – выдохнула девушка.

– Господи! – одновременно вырвалось у Ника. – Взгляните сюда, дружище.

Ник указывал на полупустую чашку кофе на столике-консоли по левую руку от кресла пилота. Рядом с чашкой лежала пару раз надкушенная плюшка. Брайану тут же вспомнился сон, и его аж затрясло.

– Что бы это ни было, произошло все неожиданно и очень быстро, – заметил он. – Посмотрите сюда. И сюда.

Он показывал на кресло пилота и на пол у кресла второго пилота. Там, в свете от приборного щитка, поблескивали часы: водонепроницаемый «Ролекс» и «Пульсар».

– Если вам нужны часы, то выбор очень богатый, – раздался голос у них за спиной. – В салоне их полным-полно.

Обернувшись, Брайан увидел Алберта Косснера, аккуратненького и очень юного в ермолке и футболке с надписью «HARD ROCK CAFE». Рядом с ним стоял пожилой господин в пиджаке спортивного покроя.

– Правда? – спросил Ник.

Похоже, впервые он потерял присущую ему самоуверенность.

– Часы, драгоценности и очки, – пояснил Алберт. – А также сумочки и бумажники. Но самое странное... я уверен, что там есть вещи, которые находились внутри людей. Вроде хирургических штифтов и кардиостимуляторов.

Ник посмотрел на Брайана. Англичанин заметно побледнел.

– Откровенно говоря, я склонялся к точке зрения нашего грубого и болтливового друга. Думал, что самолет где-то приземлился, пока я спал. А потом команда и большая часть пассажиров выгрузились незаметно для меня.

– Я бы проснулся, если бы самолет начал спускаться. Это привычка. – Брайан неожиданно для себя заметил, что не может оторвать глаз от пустых кресел, недопитой чашки кофе, недоеденной плюшки.

– Со своей стороны я мог бы сказать то же самое, – согласился Ник, – поэтому я решил, что мне подсыпали снотворного.

«Уж не знаю, чем зарабатывает этот парень на жизнь, – подумал Брайан, – но он наверняка не продает подержанные автомобили».

– Мне снотворного подсыпать не могли, потому что я ничего не пил, – ответил Брайан.

– Я тоже, – поддакнул Алберт.

– В любом случае, пока мы спали, самолет не садился, не взлетал, – заверил их Брайан. – Самолет может лететь на автопилоте, «конкорд» может садиться на автопилоте, но без человека самолет в воздух не поднять.

– Значит, мы не садились, – кивнул Ник.

– Нет.

– Тогда куда же они подевались, Брайан?

– Не знаю. – Брайан шагнул к креслу пилота, сел.

«Боинг-767» летел на высоте 36 тысяч футов, как и говорила Мелани Тревор, курсом 090. Через час или два им предстояло изменить курс, повернув на север. Брайан взял штурманскую книгу, взглянул на датчик скорости, сделал несколько быстрых расчетов. Потом надел наушники.

– Денверский центр, говорит «Американская гордость», рейс двадцать девять, прием.

Он переключился в режим приема и... ничего не услышал. Абсолютно ничего, даже статических помех. Проверил радиочастоту. 7700, как и положено. Вернулся в режим передачи.

– Денверский центр, пожалуйста, ответьте, говорит «Американская гордость», рейс двадцать девять, повторяю, «Американская гордость». У меня проблемы, Денвер, проблемы.

Режим приема. И ничего.

От следующего движения Брайана сердце Алберта Туза Косснера учащенно забилося. Действительно испугаешься, если пилот бьет ребром ладони по контрольной панели. «Боинг-767» – едва ли не самый современный, напичканный электроникой пассажирский самолет. А высокочувствительная электроника не любит, когда с ней так обращаются. Подобные методы применимы разве что к старому радиоприемнику, который покупаешь за доллар на какой-нибудь распродаже.

Брайан вновь вызвал Денверский центр. И снова не получил ответа. Никакого ответа.

7

Поначалу Брайан просто ничего не мог понять. А потом испугался, по-настоящему испугался. До этого момента времени на страх у него не было. Впрочем, он еще не исчерпал все возможности. Брайан перешел на аварийную

радиочастоту. Снова не получил ответа. Такого он и представить себе не мог. Все равно что набираешь на Манхэттене номер 911, а автоответчик сообщает тебе, что все уехали на уик-энд. Если обращаешься за помощью по аварийной радиочастоте, ответ приходит всегда.

«Во всяком случае, до этой ночи», – уточнил про себя Брайан.

Он перешел на UNICOM, частотный диапазон, в котором пилоты частных самолетов получали инструкции, касающиеся посадки в маленьких аэропортах. И ничего не услышал. Он не верил своим ушам. Обычно пилоты частных самолетов трещали без умолку. Девчушка в «пайпере» интересовалась погодой. Парень из «сессны» выпрыгивал из штанов, требуя позвонить его жене и сказать, что к обеду придут трое гостей. Пилот «лира» просил дежурную в аэропорту Арвады сообщить пассажирам, зафрахтовавшим его самолет, что он задержится на пятнадцать минут, но на бейсбольный матч в Чикаго они успеют.

Сейчас в эфире стояла мертвая тишина. Разговоры как отрезало.

Брайан вернулся на аварийную радиочастоту ФАУ[7 - Федеральное авиационное управление.].

– Денвер, отвечайте! Немедленно отвечайте! Говорит «АГ», рейс двадцать девять, отвечайте мне, черт бы вас побрал!

Ник положил руку ему на плечо:

– Спокойно, приятель.

– Сторожевая собака не лает! – В голосе Брайана послышались истеричные нотки. – Это невозможно, но вот случилось! Господи, что у них там внизу? Атомная война?

– Спокойно, – повторил Ник. – Возьмите себя в руки, Брайан, и скажите мне, при чем тут собака, которая не лает.

– Я про Денверский центр управления полетами! Это сторожевая собака! Я про аварийную радиочастоту ФАУ! Это тоже сторожевая собака! И UNICOM тоже

сторожевая собака! Я никогда...

Брайан щелкнул другим переключателем.

– Видите, коротковолновый диапазон. Станции должны перебивать друг друга, как лягушки на болоте, а стоит-то полная тишина.

Брайан бросил испуганный взгляд на Ника и Алберта Косснера, которые склонились над ним.

– Нет луча наведения из Денвера.

– То есть?

– То есть я не могу связаться с Денвером по радио и не могу засечь луч наведения радиолокационной станции. Бортовые приборы говорят о том, что Денверский центр управления полетами не функционирует. Это же чушь собачья! Такого быть не может.

И тут Брайана осенила ужасная мысль. Он побледнел как полотно. Посмотрел на Алберта.

– Слушай, парень, выгляни в окно. По левому борту.

Алберт Косснер выглянул. И долго не оборачивался к Брайану и Нику.

– Ничего, – наконец сказал он. – Абсолютно ничего. Последние отроги Скалистых гор и начало равнины.

– Огней нет?

– Нет.

Брайан поднялся. Ноги стали как ватные. Долго смотрел вниз.

– Денвер пропал, не так ли? – нарушил Ник затянувшееся молчание.

Штурманские карты, показания бортовой навигационной системы свидетельствовали о том, что самолет летит пятьюдесятью милями южнее Денвера... но внизу Брайан видел только темноту: Рокки плавно переходили в Великие равнины.

- Да, - выдохнул он. - Денвер пропал.

8

Какое-то время в кабине пилотов стояла могильная тишина, а потом Ник повернулся к аудитории, состоящей на тот момент из Алберта, мужчины в поношенном пиджаке спортивного покроя и девушки. Ник хлопнул в ладоши, как воспитательница детского садика. И заговорил с ее же интонациями:

- Значит, так! Возвращайтесь на свои места. Я думаю, нам не помешают тишина и покой.

- Мы и не шумим, - резонно возразила девушка.

- Как мне представляется, этот джентльмен подразумевает не тишину, а возможность поговорить с пилотом наедине. - По голосу мужчины в поношенном пиджаке чувствовалось, что человек этот интеллигентный, многое знает и понимает. В его взгляде, устремленном на Брайана, была тревога.

- Именно это я имею в виду, - согласился Ник. - Пожалуйста.

- С ним все будет в порядке? - спросил мужчина в пиджаке, понизив голос. - Очень уж мистер Брайан расстроен.

- Да. Он оклемается. Я об этом позабочусь, - ответил Ник тем же доверительным тоном.

- Пошли, детки, - скомандовал мужчина в пиджаке, положил одну руку на плечо Алберта, вторую - на плечо девушки. - Вернемся в салон, займем свои места. У

нашего пилота много дел.

Если они понижали голос, чтобы не тревожить Брайана Энгла, то зря старались. Сейчас он был рыбой, плывущей в реке, над которой проносилась стайка птиц. Они щебетали, звук этот долетал до рыбы, но та не обращала на него ни малейшего внимания. Вот и Брайан лихорадочно перескакивал с одного радиодиапазона на другой, пытался ухватить бортовым радаром сигнал хотя бы одной работающей наземной радиолокационной станции.

Он чувствовал, как пот, словно слезы, течет по щекам, чувствовал прилипшую к спине рубашку.

Должно быть, пахну я, как свинья, думал Брайан, или...

Тут его словно пронзила молния. Он переключился на армейскую радиочастоту, хотя инструкции это строго-настрого запрещали. Стратегическое авиационное командование практически оккупировало Омаху. Уж они-то должны остаться в эфире. Они, конечно, прикажут ему убраться с их частоты, может, даже пригрозят пожаловаться в ФАУ, но Брайана это не пугало. Может, он будет первым, кто сообщит военным о том, что город Денвер «отправился в отпуск».

– Военный авиационный контроль, военный авиационный контроль, говорит «Американская гордость», рейс двадцать девять. У меня проблемы, серьезные проблемы, вы меня слышите? Прием.

Эта собака тоже не залаяла.

Вот тут Брайан почувствовал, как изнутри, возможно из подсознания, лезет что-то большое и страшное. Лезет, чтобы утащить его разум в темные глубины.

9

Ник Хопуэлл положил руку ему на плечо, у самой шеи. Брайан подпрыгнул в кресле и чуть не вскрикнул от неожиданности. Повернулся, увидел лицо Ника в трех дюймах от своего.

«Сейчас он схватит меня за нос и крутанет», – подумал Брайан.

Но Ник не схватил его за нос. Он заговорил твердо и решительно, не отрывая взгляда от глаз Брайана:

– Я вижу, что с вами происходит, друг мой... но мне не нужно смотреть вам в глаза, чтобы знать, что там. Я слышу это в вашем голосе; для того чтобы понять что к чему, достаточно посмотреть, как вы сидите в кресле. А теперь слушайте меня, и слушайте внимательно: ПАНИКА НЕДОПУСТИМА!

Брайан смотрел на него, замороженный.

– Вы меня понимаете?

– На мою работу не берут тех, кто может запаниковать, Ник. – Слова давались Брайану с трудом.

– Это мне известно, но ситуация уникальная. Вы, однако, должны помнить, что на борту десять или больше человек, и ваша работа остается прежней – опустить их на землю целыми и невредимыми.

– Вам нет нужды объяснять, в чем заключается моя работа! – отрезал Брайан.

– Боюсь, что такая нужда была, – покачал головой Ник. – Но теперь вы выглядите гораздо лучше, и я этому только рад.

Брайан не просто выглядел лучше, он уже приходил в себя. Ник задел самую чувствительную струнку – напомнил ему об ответственности перед пассажирами. А ведь он туда и метил, подумал Брайан.

– А чем вы зарабатываете на жизнь, Ник? – спросил Брайан. Самообладание почти полностью вернулось к нему.

Ник откинул голову и рассмеялся:

– Занимаю пост атташе по делам молодежи в посольстве Великобритании, старичок.

– Ой ли?

Ник пожал плечами:

– Ну... так, во всяком случае, написано в моих бумагах, и это всех устраивает. Если у кого-то возникнут возражения, придется подаваться в механики ее величества. Я могу починить все, что требует ремонта. Сейчас вот требуется починить вас.

– Благодарю, – сухо ответил Брайан, – но я уже починился.

– Отлично. Тогда... что вы собираетесь делать? Можете вы ориентироваться в пространстве без всех этих наземных штук? Сможете избежать столкновения с другими самолетами?

– Для прокладки курса вполне достаточно бортового навигационного оборудования. Что же до других самолетов... – Брайан указал на экран радара. – Этот господин утверждает, что других самолетов нет.

– Могут и быть, – покачал головой Ник. – Наверное, изменились исходные условия, хотя бы на время. Вы упоминали атомную войну, Брайан. Я думаю, если бы произошел обмен ядерными ударами, мы бы об этом знали. Но остается вероятность инцидента. Вы знакомы с таким феноменом, как электромагнитный импульс?

Брайан вспомнил Мелани Тревор. «Нам сообщили о полярном сиянии над пустыней Мохаве. Может, захотите посмотреть?»

А если дело в этом? И происходящее вокруг – результат необъяснимого природного феномена?

Конечно, возможно и такое. Но тогда почему он не слышал статических помех? Почему на экране радара нет интерференционных волн? Почему он абсолютно пуст? И едва ли можно возлагать на полярное сияние ответственность за

исчезновение почти двухсот пассажиров.

– Так что? – спросил Ник.

– Вы, конечно, отличный механик, Ник, – после долгой паузы ответил Брайан, – но я думаю, что электромагнитные импульсы тут ни при чем. Все бортовое оборудование, включая компас, работает нормально. – Он указал на цифры, высвечивающие направление полета. – Если б мы подверглись воздействию электромагнитного импульса, на приборном щитке разверзся бы ад. А вы сами видите, что горят на нем только зеленые лампочки.

– Понятно. Так вы решили лететь в Бостон?

«Так вы решили...» – эти слова изгнали из сознания Брайана последние остатки паники.

«Все правильно, – подумал он. – Кому еще отвечать на этот вопрос, как не мне. Теперь я – капитан этого лайнера... и это, между прочим, самое главное. Следовало напомнить мне об этом в самом начале, друг мой, и тогда нам не пришлось бы переживать столько неприятных минут».

– Садиться в Логане на рассвете, даже не представляя, что творится в окрестностях аэропорта, да и во всем мире? Ни в коем случае.

– Тогда куда нам лететь? Или вам нужно время, чтобы подумать об этом?

Времени Брайану не требовалось: получив отправную точку, он быстро составил план дальнейших действий.

– Я знаю, куда нам лететь. И думаю, что пора побеседовать с пассажирами. Оставшимися в самолете.

Он взял микрофон, и тут же в кабину пилотов заглянул лысый мужчина, который спал в салоне бизнес-класса.

– Не соблаговолит ли кто-нибудь из джентльменов объяснить мне, что случилось с обслуживающим персоналом этого самолета? – сварливым тоном осведомился

он. – Я отлично выспался... но теперь хочется есть.

10

Дайна Беллман чувствовала себя гораздо увереннее. Как хорошо, что рядом люди, как приятно ощущать их присутствие. Девочку окружили Алберт Косснер, Лорел Стивенсон и мужчина в потертом пиджаке спортивного покроя, который представился Робертом Дженкинсом. Он сказал, что написал больше сорока детективов и летит в Бостон на конгресс, организованный поклонниками этого жанра.

Все четверо устроились в центральном ряду головной части главного салона. Мужчина в водолазке занял кресло в правом ряду, ближе к хвосту. Сидел он, приложив к носу платок, хотя кровотечение уже прекратилось, и медленно наливался желчью. Дон Гаффни расположился поблизости, нервно поглядывая на Водолазку. Заговорил Гаффни лишь однажды, спросив Водолазку, как его зовут. Водолазка не ответил. Лишь пронзил Гаффни злобным взглядом, и тот от дальнейших вопросов воздержался.

– Кто-нибудь представляет себе, что здесь происходит? – Голос Лорел переполняла мольба. – Впервые за десять лет я отправилась в настоящий отпуск, и вот такой сюрприз.

Так уж получилось, что Алберт смотрел на мисс Стивенсон, когда она произносила эти слова. И заметил, что при упоминании о первом за десять лет настоящем отпуске она три или четыре раза быстро моргнула, словно в глаз попала пылинка. И он почему-то подумал: «А ведь дамочка лжет. По известной только ей причине, но лжет». Алберт пригляделся к мисс Стивенсон повнимательнее: на лице признаки увядающей красоты, еще чуть-чуть, и Лорел перейдет в категорию женщин среднего возраста, станет бесцветной мышкой (для юноши средний возраст начинался с тридцати лет). Зато сейчас ее щеки так и полыхали румянцем. Алберт не знал, что кроется за этой ложью, но видел, как женщина вдруг расцвела, превратившись чуть ли не в красавицу.

«Этой даме надо бы почаще лгать», – решил Алберт.

Но прежде чем кто-то успел ответить на вопрос мисс Стивенсон, из динамиков громкой связи донесся голос Брайана:

- Дамы и господа, с вами говорит капитан.

- Тоже мне капитан, - фыркнул Водолазка.

- Заткнись! - рявкнул Гаффни.

Водолазка зыркнул на него, но больше ничего не сказал.

- Как вы все, несомненно, знаете, мы оказались в более чем неординарной ситуации, - продолжил Брайан. - Мне нет нужды объяснять, что к чему. Вам достаточно оглядеться, чтобы все понять.

- Я ничего не понимаю, - пробормотал Алберт.

- Мне, правда, известно кое-что еще. Боюсь, ничего хорошего я вам сказать не смогу, но, раз уж мы все завязли в этой истории, буду предельно откровенен. У меня нет связи с землей. Примерно пять минут назад мы должны были увидеть огни Денвера. Но не увидели. Сейчас я могу назвать только одну причину: кто-то позабыл оплатить счет за электричество. И пока мы не получим дополнительной информации, будем считать, что другой причины и быть не может.

Последовала пауза. Лорел держала Дайну за руку. Алберт присвистнул. Роберт Дженкинс, автор детективных романов, положив руки на колени, смотрел в никуда.

- Все это - плохие новости, - вновь заговорил Брайан. - Но есть и хорошие. Все системы самолета работают нормально, топливо есть, я обладаю достаточной квалификацией, чтобы управлять этой машиной. И посадить ее на землю. Думаю, мы все согласны с тем, что безопасное приземление - наша основная цель. И пока она не достигнута, мы с вами ничего не можем поделать. Я хочу заверить вас, что проблем с посадкой у нас не будет. И последнее, о чем я хочу вам сейчас сообщить: теперь мы летим в Бангор, штат Мэн.

Водолазка аж подпрыгнул и проревел:

– Чт-т-о-о-о?

– К нашему бортовому навигационному оборудованию претензий нет, чего я не могу сказать о наземных радиолокационных станциях, информация которых всегда используется при выполнении сложных маневров, к каковым относится и посадка. В сложившихся обстоятельствах я не считаю возможным входить в воздушное пространство аэропорта Логан. Я не могу ни с кем связаться по радио, ни в воздухе, ни на земле. Бортовое оборудование функционирует нормально, но мне представляется, что при сложившихся обстоятельствах этого недостаточно. Международный аэропорт Бангора обладает следующими преимуществами: подлетный участок проходит над землей, а не над водой, самолетов в момент нашего прибытия, в половине девятого утра, будет немного, если они вообще будут. И наконец, МАБ, в прошлом база военно-воздушных сил, обладает самой длинной посадочной полосой из всех гражданских аэропортов Восточного побережья Соединенных Штатов. Наши французские и английские друзья сажают там «конкорд», если не могут сесть в Нью-Йорке.

– Этим утром, в девять часов, у меня важная встреча в Пру, – завопил Водолазка, – и я ЗАПРЕЩАЮ ВАМ ЛЕТЕТЬ В ДЕРЬМОВЫЙ МЭНСКИЙ АЭРОПОРТ!

Дайна подпрыгнула, испугавшись вопля Водолазки, прижалась щекой к груди Лорел. Девочка еще не плакала, но Лорел почувствовала, что малышку вот-вот начнут сотрясать рыдания.

– ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ? – бушевал Водолазка. – МЕНЯ ЖДУТ В БОСТОНЕ НА ОБСУЖДЕНИИ ВАЖНОЙ ПРОБЛЕМЫ, КАСАЮЩЕЙСЯ КРУПНЕЙШЕЙ СДЕЛКИ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ОБЛИГАЦИЯМ, И Я НАМЕРЕН ПРИБЫТЬ ТУДА ВОВРЕМЯ!

Он расстегнул ремень безопасности, приподнялся. Щеки его пылали румянцем, лоб, наоборот, побледнел. Особенно испугала Лорел пустота в его глазах.

– ВЫ ПОНИМАЕ...

– Пожалуйста, – взмолилась Лорел. – Пожалуйста, успокойтесь, мистер, вы пугаете маленькую девочку.

Водолазка обернулся, и взгляд пустых глаз остановился на ней. Лорел не могла вымолвить ни слова.

– ПУГАЮ МАЛЕНЬКУЮ ДЕВОЧКУ? МЫ ЛЕТИМ ЧЕРТ ЗНАЕТ КУДА, В КАКОЙ-ТО ДЕРЬМОВЫЙ АЭРОПОРТ, А ВАС ВОЛНУЕТ, КАК БЫ НЕ ИС...

– Сядь и заткнись, а не то я тебе врежу, – встал Гаффни, лет на двадцать старше Водолазки, но крупнее и гораздо шире в плечах.

Рукава красной фланелевой рубашки он закатал до локтей, а когда пальцы его сжались в кулаки, все увидели, какими буграми вспухли бицепсы. Он напоминал дровосека, который только что вышел на пенсию и еще не потерял былой силы.

Верхняя губа Водолазки поползла вверх в зверином оскале. Лорел перепугалась еще больше, почувствовав, что он не владеет собой. Ей первой пришла мысль о том, что Водолазка тронулся умом.

– Не думаю, что тебе удастся справиться со мной в одиночку, – процедил Водолазка.

– А я ему помогу, – подал голос лысый мужчина из салона бизнес-класса. – С удовольствием врежу тебе, если не заткнешься.

Тут набрался храбрости и Алберт Косснер.

– И я тоже, поц паршивый, – добавил он, чувствуя себя одним из героев Аламо, переступающим черту, проведенную по песку полковником Трейвисом.

Водолазка огляделся. Верхняя губа опустилась и поднялась вновь, все в том же зверином оскале.

– Я вижу. Вижу. Вы все против меня. Хорошо. – Он сел, бросая на всех злобные взгляды. – Если б вы что-нибудь знали о рынке государственных облигаций Южной Америки... – И осекся.

Рядом с ним, на ручке соседнего кресла, лежала бумажная салфетка. Водолазка взял ее, внимательно оглядел и начал мять.

– Злиться на нас не надо, – заговорил Гаффни. – Не думайте, мистер, что я какой-нибудь громила. – «Он старается разрядить обстановку, – подумала Лорел, – но чувствуется, что здорово злится на Водолазку». – Успокойтесь, расслабьтесь. Постарайтесь увидеть во всем этом светлую сторону. Авиакомпания наверняка возместит вам стоимость билета в оба конца.

Водолазка на мгновение вскинул глаза на Дона Гаффни и вновь посмотрел на салфетку. Теперь он уже не мял ее, а разрывал на длинные полоски.

– Кто-нибудь знает, как пользоваться печкой на камбузе? – спросил Лысый, словно ничего и не произошло. – Есть хочется.

Ему никто не ответил.

– Наверное, никто не знает, – грустно вздохнул Лысый. – Эра специализации. В какое ужасное время мы живем. – С этим философским утверждением он и удалился в салон бизнес-класса.

Лорел посмотрела на девочку и увидела, что из-под черных очков по щекам бегут слезы. Она тут же забыла о собственных страхах и крепко прижала Дайну к себе.

– Не плачь, милая... этот мужчина просто расстроился. Теперь ему лучше.

«Во всяком случае, сидит на месте и как зачарованный рвет салфетку», – подумала Лорел.

– Мне страшно, – прошептала девочка. – Мы все кажемся этому мужчине чудовищами.

– Нет, я так не думаю. – В голосе Лорел слышались нотки удивления. – С чего ты это взяла?

– Не знаю.

Дайне нравилась эта женщина, понравилась, как только услышала ее голос, но девочка не собиралась говорить Лорел, что какое-то мгновение видела их всех,

включая себя, глазами мужчины с громким голосом. Она побывала в сознании мужчины с громким голосом, то ли мистера Тумса, то ли мистера Тунни, а может, фамилия у него была и другая, но для него пассажиры представлялись сворой злых, эгоистичных троллей.

Если бы Дайна сказала такое мисс Ли, последняя подумала бы, что она сошла с ума. Почему эта женщина, которую она только что встретила, должна была воспринять такое иначе?

Вот Дайна и промолчала.

Лорел поцеловала девочку в щеку, горевшую огнем.

– Не бойся, милая. У нас есть капитан, он знает, что надо делать, ты это чувствуешь, не так ли, и через несколько часов мы вновь вернемся на землю.

– Это хорошо. Только я хочу, чтобы тетя Викки была со мной. Где она, как вы думаете?

– Не знаю, милая, – ответила Лорел. – Но хотелось бы знать.

Дайна вновь подумала о лицах, которые видели глаза кричавшего мужчины: злых лицах, жестоких. Подумала о своем лице, пухлом детском личике с глазами, спрятавшимися за громадными черными очками. Вот тут мужество покинуло ее, и она разрыдалась, прижимаясь к груди Лорел. Женщина обнимала ее, не зная, что делать, и вскоре сама начала плакать. Так они поплакали минут пять, а потом Дайна начала успокаиваться. Лорел взглянула на худощавого молодого человека, его звали то ли Алберт, то ли Лавин, и увидела, что и у него глаза на мокром месте. Он поймал взгляд Лорел и торопливо уставился на свои руки.

Дайна последний раз всхлипнула и затихла.

– Похоже, слезы не помогают, а? – спросила она после долгой паузы.

– Похоже, что нет, – согласилась Лорел. – Почему бы тебе не поспать, Дайна?

Девочка вздохнула, в горле у нее что-то забулькало.

– Не думаю, что смогу. Я спала.

Я тоже спала, подумала Лорел.

«767» продолжал лететь в восточном направлении на высоте 36 тысяч футов, каждый час оставляя за собой пятьсот миль погруженной в темноту центральной части Америки.

Глава 3

1

– Час тому назад маленькая девочка высказала очень интересную мысль, – неожиданно нарушил тишину Роберт Дженкинс.

Маленькая девочка уже давно крепко спала, несмотря на свои сомнения в том, что сможет заснуть. Алберт Косснер тоже клевал носом, мечтая вновь вернуться на таинственные улицы Томбстоуна. Он достал скрипку из багажной ячейки над креслом, и теперь она лежала у него на коленях.

– Что? – Он выпрямился.

– Извини. Ты дремал.

– Нет, – ответил Алберт. – Не до сна сейчас, знаете ли. – И повернулся к Дженкинсу, наверное, чтобы это доказать.

Под налитыми кровью глазами темнели мешки. Дженкинс подумал, что чем-то этот юноша напоминает енота, которого спугнули, когда тот шарил по мусорным контейнерам.

- Так какую мысль она высказала?

- Она сказала мисс Стивенсон, что не сможет заснуть, потому что уже спала. Раньше.

Алберт скосился на Дайну.

- Но она спит.

- Я вижу, что спит, дорогой мальчик. Но не в этом дело, совсем не в этом.

Алберт хотел было сказать, что Тузу Коснеру, самому быстрому стрелку-еврею к западу от Миссисипи и единственному тexasцу, выжившему в битве при Аламо, не нравится, когда его называют дорогим мальчиком, но решил не придавать этому особого значения... пока.

- Тогда в чем же?

- Я тоже спал. Отключился до того, как капитан, наш первый капитан, погасил табличку с надписью «НЕ КУРИТЬ». Такое со мной случается всегда. Поезда, автобусы, самолеты - я засыпаю, как младенец, как только они заводят двигатель. А как насчет тебя, дорогой мальчик?

- А что насчет меня?

- Ты спал? Спал, не так ли?

- Э... да.

- Мы все спали. А вот люди, которые бодрствовали, исчезли.

Алберт задумался.

– Возможно...

– Никаких возможно, – отмахнулся Дженкинс. – Я пишу детективные романы, зарабатываю этим на жизнь. Можно сказать, дедукция – мой хлеб и масло. Если бы кто-то бодрствовал в момент, когда исчезали все эти люди, неужели ты думаешь, что он не поднял бы крик и не разбудил нас?

– Поднял бы, – согласился Алберт. – Только того парня, что лежит в самом хвосте, он бы не разбудил. Думаю, его не разбудила бы и сирена.

– Возражение принимается. Но никто не кричал, не так ли? И никто не вызвался рассказать нам, что произошло. Поэтому я и предполагаю, что самолет покинули только не спавшие пассажиры. Естественно, вместе с бодрствующим экипажем.

– Да. Похоже на то.

– У тебя в глазах тревога, дорогой мальчик. По выражению лица ясно видно, что моя идея тебе не нравится, несмотря на всю ее привлекательность. Позволь спросить, почему? Я что-то упустил? – По тону Дженкинса было понятно, что он в это не верит, но чувствовалось, что мама привила ему хорошие манеры.

– Не знаю, – честно признался Алберт. – Сколько нас? Одиннадцать?

– Да, считая того парня, что храпит в хвосте, нас одиннадцать.

– Если вы правы, нас не должно быть больше?

– Почему?

Но Алберт не ответил, потому что внезапно перед его мысленным взором возник образ из детства. Теологически его воспитывали в некой буферной зоне, поскольку родители уже не были ортодоксами, но еще не стали агностиками. Он и его братья соблюдали диетологические традиции (или законы, как ни назови), все праздновали бармитцву, все знали, кто они такие, откуда пришли и что сие означает. А то, что он сейчас вспомнил, ему рассказали в храме. Историю о последней казни египетской, о том, что свершил ночью по велению Господа ангел смерти.

Но теперь Алберт видел ангела, идущего не по Египту, а по салонам «767», летящего рейсом 29, прижимая пассажиров к своей ужасной груди... не потому, что они забыли помазать дверные косяки (или спинки кресел) кровью агнца, а потому...

Почему? Почему?

Ответа Алберт не находил, и по его телу пробежала дрожь. Лучше б ему не вспоминалась эта история.

– Алберт? – Голос Дженкинса донесся откуда-то издалека. – Алберт, с тобой все в порядке?

– Да. Просто задумался. – Юноша откашлялся. – Если бы все спящие пассажиры остались в креслах, нас было бы человек шестьдесят. Может, и больше. Я хочу сказать, это же «красный глаз».

– Дорогой мальчик, а ты...

– Не могли бы вы называть меня Албертом, мистер Дженкинс? Это мое имя.

Дженкинс потрепал Алберта по плечу.

– Прошу прощения. Искренне. Только не подумай, что я отношусь к тебе свысока. Я нервничаю, а когда нервничаю, у меня привычка уходить в... знаешь, как черепаха прячется под панцирь. Только я прячусь в выдуманный мир. Представляю себе, что играю Фило Вэнса. Это детектив, великий детектив, созданный Эс. Эс. Ван-Дайном. Полагаю, ты его книг не читал. Едва ли кто читает их в наши дни, о чем можно только сожалеть. Но все равно извини меня.

– Ничего страшного.

– Отныне ты Алберт и будешь Албертом во веки веков, – пообещал Роберт Дженкинс. – Но я хотел спросить, летал ли ты раньше «красным глазом»?

– Нет. Я вообще первый раз лечу через всю страну.

– А я летал. Многократно. Несколько раз даже изменял своим привычкам и какое-то время бодрствовал. Когда я был моложе, а двигатели шумели гораздо сильнее. Я, наверное, покажусь тебе глубоким стариком, если признаюсь, что первый раз с побережья на побережье летел на самолете с турбовинтовыми двигателями и с двумя промежуточными посадками, так как на весь перелет горючего не хватало.

Так вот, я заметил, что очень мало людей засыпают в первый час полета... зато потом спят практически все. В этот первый час люди приспособляются к новым условиям, знакомятся с попутчиками, пропускают рюмку или две...

– Вы хотите сказать, обустроиваются, – поддакнул Алберт.

Он мог подписаться под словами Дженкинса, хотя сам обустроился на удивление быстро. Должно быть, потому, что практически не спал две последние ночи, думая о путешествии и новой жизни, которая ждала его в Бостоне. В результате он провалился в сон, едва «767» оторвался от взлетной полосы.

– Вьют себе маленькие гнездышки, – согласился Дженкинс. – Ты, часом, не заметил тележку с напитками около кабины пилотов... Алберт?

– Да, видел.

– Конечно! – Глаза Дженкинса блеснули. – Ты внимательно ее рассмотрел?

– Наверное, нет, если вы увидели то, чего не заметил я.

– Замечает не глаз, а мозг, Алберт. Натренированный упражнениями по дедукции мозг. Я не Шерлок Холмс, но заметил, что ее выкатили из маленького чуланчика, где она обычно хранится, а на нижней полочке еще стояли использованные в прошлом полете стаканы. Отсюда, руководствуясь дедуктивным методом, я сделал вывод: самолет взлетел, как обычно; плавно набрал высоту, капитан уже готовился передать управление автопилоту и погасил табличку «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ». На это ушло примерно тридцать минут, то есть, если мои предположения соответствуют действительности, происходило все это примерно в час ночи, разумеется, по лос-анджелесскому времени. Стюардессы поднялись со своих мест и занялись наипервейшим делом: напоить сто пятьдесят (или около того) пассажиров. Капитан тем временем

запрограммировал автопилот выровнять самолет на высоте 36 тысяч футов и лететь на восток. Несколько пассажиров, точнее одиннадцать, уже спали. Кто-то дремал, но еще не заснул, а потому тоже не спасся, остальные бодрствовали.

– Вили свои гнездышки, – вставил Алберт.

– Совершенно верно! Вили свои гнездышки! – Дженкинс выдержал театральную паузу. – А потом это и произошло!

– Что это, мистер Дженкинс? – спросил Алберт. – Есть у вас какие-нибудь идеи?

Дженкинс долго не отвечал, а когда наконец заговорил, прежнего веселья в голосе как не бывало. И Алберт впервые понял, что уверенность в себе, демонстрируемая Дженкинсом, наигранная, а на самом деле писатель напуган не меньше его, Алберта. Юношу это только порадовало: пожилой детективщик в выдавшем виды пиджаке стал ему ближе и понятнее.

– Расследование преступления в закрытой комнате – вот где дедуктивный метод проявляется наиболее полно. Я написал на эту тему несколько детективов, даже больше, чем несколько, но и представить себе не мог, что стану участником одного из них.

Алберт не знал что ответить. Ему вспомнился один из рассказов о Шерлоке Холмсе, который назывался «Пестрая лента». В нем ядовитая змея попадала в знаменитую закрытую комнату через вентиляционную шахту. Бессмертному Холмсу даже не пришлось напрягаться при решении этой головоломки. Но если багажные ячейки над сиденьями были битком набиты ядовитыми змеями, то куда подевались трупы? Где тела?

Страх вновь стал закрадываться в душу Алберта. Юноша подумал о том, что сейчас он совсем не похож на Туза Косснера, знаменитого стрелка.

– Если б речь шла только о самолете, – медленно заговорил Дженкинс, – я бы, пожалуй, мог предложить достаточно убедительную версию. В конце концов именно этим я зарабатываю на хлеб последние двадцать пять лет. Хочешь ее выслушать?

– Конечно.

– Очень хорошо, Алберт. Представим, что какое-нибудь государственное агентство, предпочитающее не светиться на публике, назовем его Контора, решило провести эксперимент, а мы стали подопытными. Цель такого эксперимента – определение эффекта эмоционального стресса на группе средних американцев. Они, ученые, проводящие эксперимент, ввели в бортовую систему подачи воздуха не имеющий запаха снотворный препарат...

– А такие препараты есть? – осведомился Алберт.

– Конечно. Диазалин, например. Или метопромиол. Я помню, как читатели, полагавшие себя «серьезными людьми», смеялись над романами Сакса Ромера о Фу Манчи, называя их никуда не годной мелодрамой. – Дженкинс покачал головой. – Теперь благодаря развитию биологических исследований и многочисленным агентствам вроде ЦРУ мы живем в мире, который Сакс Ромер не мог представить себе и в самом дурном сне.

Диазалин, по существу, нервный газ, подошел бы лучше всего. Действует он очень быстро. После его подачи в систему кондиционирования все бы заснули, кроме пилота, который дышал бы чистым воздухом через кислородную маску.

– Но... – начал Алберт.

Дженкинс улыбнулся и поднял руку.

– Твое возражение мне известно, Алберт, и я смогу все объяснить. Позволишь?

Алберт кивнул.

– Пилот сажает самолет на секретном аэродроме, скажем, в Неваде. Пассажиры, которые не спали в момент подачи газа, и, разумеется, стюардесс выносят некие люди в белых защитных костюмах, как в фильме про Андромеду, помнишь? Пассажиры, которые заснули до подачи газа, в том числе ты и я, продолжают спать, возможно, чуть крепче, чем раньше. Потом пилот возвращает «767» на расчетные высоту и курс. Включает автопилот. Когда самолет достигает Скалистых гор, эффект действия газа сходит на нет.

Диазалин относится к так называемым «чистым наркотикам», то есть остаточных явлений вроде головной боли, рези в глазах или похмелья не наблюдается. Пилот, через систему внутренней связи услышавший крики маленькой слепой девочки, знает, что она перебудит остальных. Эксперимент вступает в решающую фазу. Поэтому капитан встает, выходит из кабины пилотов, закрывает за собой дверь.

- Как он это делает? Снаружи нет ручки.

Дженкинс махнул рукой.

- Сущий пустяк, Алберт. Он запирает дверь только на собачку.

Губы Алберта начали расплзаться в улыбке и замерли.

- В этом случае пилот - один из нас?

- Да и нет. По моей версии, Алберт, пилот - он и есть пилот. Пилот, вроде бы летящий в Бостон, случайно оказывается на борту. Он должен сидеть в салоне первого класса, футах в тридцати от кабины.

- Капитан Энгл, - выдохнул Алберт.

Дженкинс самодовольно улыбнулся, как ученый, только что доказавший сложную теорему.

- Капитан Энгл, - согласился он.

Они не заметили, что Водолазка давно уже не спускает с них глаз. Но теперь Водолазка достал из кармана на спинке сиденья распространяемый авиакомпанией журнал, развернул его и начал рвать обложку на длинные полоски. Полоски падали на пол, на уже разорванную салфетку, на его коричневые туфли.

Губы Водолазки беззвучно шевелились.

Если бы Алберт изучал Новый Завет, он бы понял, что почувствовал Саул, этот самый яростный преследователь первых христиан, когда он прозрел на дороге в Дамаск. Алберт воззрился на Роберта Дженкинса сверкающими глазами, последние остатки сна как ветром сдуло.

Разумеется, когда подумаешь об этом... когда кто-нибудь, вроде мистера Дженкинса, сохранившего способность ясно мыслить, в поношенном пиджаке или без ононого, разобъяснит тебе, что к чему, открывается очевидная истина: по-другому и быть не может. Почти все пассажиры и команда самолета «Боинг-767» авиакомпании «Американская гордость», вылетевшего рейсом 29, исчезли между пустыней Мохаве и Великим водоразделом [8 - Еще одно название Скалистых гор, которые являются водоразделом рек, впадающих в бассейны Тихого и Атлантического океанов.]... но среди оставшихся на борту (о чудо! чудо!) оказался еще один пилот «Американской гордости», обученный управляться именно с этой моделью самолета.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод Н. Эристави.

2

Послание (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

3

Название ночных рейсов, билеты на которые стоят дешевле.

4

В этой подглавке упомянуты американские киноактеры, часто снимавшиеся в вестернах.

5

Женское имя Лорел и растение лавр обозначаются одним и тем же английским словом – Laurel.

6

Скалистые горы, крупнейшая горная система в Кордильерах Северной Америки, образующая их восточную часть.

7

Федеральное авиационное управление.

8

Еще одно название Скалистых гор, которые являются водоразделом рек, впадающих в бассейны Тихого и Атлантического океанов.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/stiven-king/langolery-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)